

На правах рукописи

БАРАНОВА СВЕТЛАНА ИЗМАЙЛОВНА

**МОСКОВСКИЙ ИЗРАЗЕЦ В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДСКОЙ
КУЛЬТУРЫ КОНЦА XV–XVII ВЕКА**

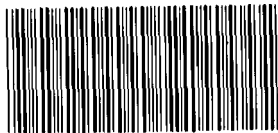
Специальность 24.00.03 – Музееведение, консервация и реставрация
историко-культурных объектов

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

15.04.2015

Москва – 2014

005557651

Работа выполнена на кафедре Москововедения Отделения краеведения и историко-культурного туризма Историко-архивного института ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет».

Научный консультант:

академик РАО, доктор исторических наук

Шмидт Сигурд Оттович

Официальные оппоненты:

Главный научный сотрудник, руководитель Центра истории русского феодализма ИРИ РАН, доктор исторических наук, профессор Рогожин Николай Михайлович;

Профессор кафедры археологии и исторического краеведения исторического факультета Томского государственного университета, доктор исторических наук, Черная Мария Петровна;

Главный научный сотрудник, заведующая отделом архитектуры Нового времени НИИТИАГ, член-корреспондент РААСН, заведующая сектором Русской усадебной и садово-парковой культуры РНИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, доктор искусствоведения Нащокина Мария Владимировна

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный исторический музей»

Защита состоится «2» июля 2015 г. в 14:00 на заседании Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.198.06 при ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет по адресу: Москва, 125993, ГСП-3, Мясницкая пл., д. 6, ауд. ____.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского государственного гуманитарного университета и в сети «Интернет» по адресу: <http://dissovet.rgu.ru/section.html?id=11641>.

Автореферат разослан «25» сентября 2014 г.

Ученый секретарь, кандидат культурологии

Еремеева С.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация построена на базе многолетней практической работы по сохранению, музейной обработке, реставрации изразцов и их введению в научный и экспозиционный оборот. При этом она носит проблемный характер и сосредоточена на определении нового, более значимого места позднесредневекового изразца в культурном пространстве России московского периода ее истории.

Системное, всестороннее исследование изразца как предмета музейного комплектования и хранения, консервации и архитектурной реставрации, а также как историко-культурного явления в жизни позднесредневековой Руси до сих пор отсутствовало. В то же время во всех этих областях накоплен значительный опыт. До сих пор он не анализировался с позиции развития методики историко-культурного исследования и исторического знания. Синтезировать наблюдения и промежуточные выводы, обобщить накопленные результаты анализа артефактов и памятников – цель данной работы. Она базируется, в первую очередь, на авторском опыте комплектования, хранения, фиксации изразцов (в том числе при архитектурной реставрации, включая прямую натурную фиксацию на памятниках), каталогизации и публикации, музейной атрибуции и экспертизы, формирования экспозиций, а также на введении в оборот значительного объема вновь собранного (архивного) или мало изученного (историографического) материала и, наряду с этим, на опыте источниковедческого и культурно-исторического анализа всей общности строительной и декоративной керамики.

Понятия музейного дела, консервации, реставрации трактуются здесь предельно широко и рассматриваются не только как область исключительно практики – они затрагивают весь спектр вышеперечисленных направлений. Эта широта диктует структурные особенности работы: во-первых, выбор процедуры описания историографии и источников, призванной дать представление об особенностях объекта исследования как исторического источника, подчеркнуть новизну и сложность методических приемов (глава 1); во-вторых, рассмотрение проблем истории русского изразца в хронологической последовательности (глава 2); в третьих, обращение

к историко-культурной интерпретации изразца в Москве и за ее пределами (главы 3 и 4).

Актуальность исследования.

Необходимость обобщения исследовательского опыта вызвана наступлением очередного перелома в судьбе изразца XV–XVII вв. как части культурного наследия России. Объем изразцов в хранилищах за истекшее столетие, особенно за последнюю треть века, стремительно возрос и продолжает возрастать ежегодно, создавая значительные сложности в обработке этого материала. Тревогу вызывает и судьба уникальных изразцов, сохраняющихся на своих местах в кладках памятников архитектуры: им угрожает опасность утраты в ходе недостаточно квалифицированных реставраций; даже простая консервация их на месте представляет немалую методико-технологическую проблему. Дополнительного анализа требуют распространяющиеся все шире приемы копирования (новыми и традиционными методами) при реставрациях. Наконец, особую область образуют изразцы, собираемые при археологических раскопках и широким потоком вливающиеся в хранилища музеев. Все это вызывает необходимость сосредоточить как можно больше усилий на учете изразцов, их натурной фиксации и публикации.

Но стремительное умножение изразцов в музейных собраниях, необычно интенсивные архитектурно-археологические и реставрационные работы последней четверти века – только одна из сторон актуализации. Попадающие в наши руки материалы иные по качеству, чем полстолетия назад. Все чаще это надежно датированные серии, входящие, вместе с другими артефактами, в устойчивые архитектурные, археологические, историко-производственные контексты. Это индуцирует попытки извлечь из них максимум исторической информации, выработать новые аналитические приемы в зависимости от встающих научных задач, использовать это новое знание в музейной работе, реставрации, социокультурных проектах.

К сожалению, материалы вводятся в науку на очень разном уровне обработки и анализа, результаты которых не всегда сопоставимы. Поэтому разработка источниковедческих основ, накопление базы фактов и ее структурирование остаются в повестке дня. Это определяет актуальность рассмотрения изразца как полноценного и многогранного исторического источника.

Музейная и реставрационная обработка изразцов отстает от умножающихся источников не только потому, что их много, но и потому, что основные силы музейных хранителей уходят на работу с более дорогим, более привлекательным, но не столь массовым материалом (книгами, иконами, ювелирными изделиями). В известной мере отставание определяет недооценка культурно-исторического значения изразца для России и его научного потенциала как исторического источника. Такую недооценку необходимо преодолеть. На опыт мировой науки, как показал специально предпринятый обзор, можно опереться лишь частично. Европейские исследователи, как правило, по-прежнему рассматривают изразец в рамках длительной традиции изучения его как изделия эпохи ранней промышленности, архитектурного и художественного объекта.

В последние десятилетия в российской науке идет напряженный поиск элементов, которые позволят выделить, назвать и, главное, глубже понять характерные особенности московской культуры, неповторимые, присущие только ей структурные элементы. Интерес к истории трансформации Московского царства в Российскую империю и к раскрытию своеобразия культуры позднесредневековой Москвы доказывает само умножение фундаментальных исследований. Через это своеобразие наука старается понять предпосылки грядущих трансформаций XVIII–XIX вв. и очертить круг «наследственных идей», оставленных нам людьми Московского государства. Очевидно, что уже сам выбор в качестве основного объекта исследования именно изразцов (которые давно признаны исконно московским материалом) и раскрытие их потенциала как исторического источника позволяют вписать работу в актуальный научный контекст. Кроме общей ситуации в области исследований Московской Руси XVI–XVII вв., давно сформировалась и внутренняя потребность всестороннего изучения изразца, выработки научного подхода к нему как части историко-культурного наследия России. Таким образом, работа стремится заполнить пробел в отечественной историографии, став актуальной и для общеевропейской истории культуры.

Состояние изученности вопроса, степень разработанности проблемы.

Изразцы как особая область источников в сфере материальной культуры недостаточно изучены. Исследования и публикации

отдельных комплексов, коллекций и памятников, напротив, чрезвычайно многочисленны (часть привлекаемых к анализу материалов использовали в науке еще в XIX в.). Но при этом, кроме редчайших случаев, не публикуются музейные каталоги и сводки, не оценено количество и состояние изученности изразцов в хранилищах, не предложены эталонные примеры их научной обработки. Изучение символическо-содержательной стороны московского изразца ограничено сохранившимися архитектурными объектами, и при этом лишь в малой степени используются музейные коллекции, письменные источники, археологические контексты.

Рассмотрение изразца всегда оставалось в рамках одного из подходов (чаще всего – историко-художественного) и невольно выделяло одно из качеств многогранного источника, привлекая остальные стороны, в лучшем случае как готовые выводы (например, для построения хронологии). В известной степени это обусловлено не только постепенным развитием комплексного метода, но и заданной, реальной сложностью объекта.

К настоящему времени не существует и достаточно полного обзора истории с оценкой генезиса и роли изразца в городской культуре Москвы и всей России позднего Средневековья – картина развития изразца до сих пор была обрисована лишь в общих чертах.

Но очевидная привлекательность и кажущаяся доступность материала для описания и интерпретации привели к недооценке заключенной в нем культурно-исторической информации и музейного потенциала.

Избранная область все еще нуждается в упорядочении, систематизации и анализе, в том числе и опубликованного материала (так, группировка памятников в трудах обзорного характера давно требует уточнения и расширения). Но прежде всего – в его максимально полном выявлении и введении в научный оборот. Это касается как музейных хранилищ, так и уцелевших памятников; как археологических коллекций, так и архивных материалов (отчеты о раскопках и реставрациях, и не только). Полное осуществление этой задачи потребует согласованной деятельности многих коллективов, но даже частичное решение дает возможность поднять на новый уровень атрибуцию и экспертизу изразцов, систематизировать их сбор и хранение, научиться новым приемам их учета и консервации при

реставрации архитектуры и в архитектурно-археологической области. Это позволяет перейти к интерпретационному анализу изразцов, более точно и полно обрисовать приемы их производства и использования, с большим основанием говорить о формировании новой области «московской культурной модели».

Цели и задачи исследования.

Цель исследования – системное изучение изразца как предмета музейного комплектования и хранения, консервации и архитектурной реставрации, а также рассмотрение его истории конца XV – XVII в. в контексте русской (преимущественно московской) городской культуры, представив его как особый вид массового исторического источника. Основная цель достигается решением ряда промежуточных задач. Принципиально важно выработать методический подход к систематизации огромного массива изразцов Москвы, отложившихся в музейных собраниях, полученных при архитектурных реставрациях и археологических раскопках и сохраняющихся на древних зданиях. Этот подход необходимо применить к выявленному в ходе исследования корпусу артефактов и зданий. Эта задача решается путем создания свода памятников Москвы, несущих изразцовый декор или имевших его в прошлом (часть введена в научный оборот впервые). Параллельно решается задача подробного анализа отдельных артефактов с применением всего арсенала музейной атрибуции и экспертизы (сюжетной, технологической, в ряде случаев эпиграфической и др.). Третья задача – рассмотреть комплексы изразцов в контексте тех зданий, с которыми они неразрывно связаны.

Эти задачи решаются в основном методами музейного (вещеведческого) и архитектурно-археологического (реставрационного) исследования. Но для исследования утраченных или плохо сохранившихся объектов важнейшими становятся историографическое и архивное исследования, включающие самостоятельный поиск текстов и изображений в архивах, их анализ и ввод в научный оборот.

Особая группа задач – выявление разнообразных связей, существовавших между материальными объектами и конкретными личностями (ктиторы, архитекторы, мастера), а также социальными группами (двор, высшее духовенство, жители посада – купечество, стрельцы, ремесленные слободы), которые формировали заказ,

обеспечивали его средствами, производили изразцы, строили здания. В изразцовом уборе выразились их бытовые и эстетические предпочтения, духовные потребности. Это своего рода послание, которое нуждается в интерпретации. Впрочем, роль изразцового декора, его функция в городской среде отнюдь не ограничена кругом заказчиков и исполнителей. Каждый горожанин (и не только горожанин) визуально воспринимал архитектурный декор фасадов храмов, общественных зданий и печей, в той или иной мере «считывал» заключенный в нем смысл. Особые символично-аллегорические композиции и, прежде всего, изразцовые надписи требуют реконструкции и истолкования. Выявление функции изразца как средства коммуникации, репрезентации, церковной дидактики – особенно сложная и впервые формулируемая задача.

Более традиционны исследования организации производства и распределения изразцов. Сюда входят вопросы социального статуса мастеров, их персонального состава и положения в мире ремесленных слобод и придворных мастерских; торговли и иных форм передачи изразцов потребителям; некоторые вопросы технологии, важные для атрибуции (хронология, установление «почерка» мастерских).

Отдельная, исключительно важная с точки зрения истории русской культуры задача – раскрытие на основе изучения изразца путей проникновения в Россию технических и культурных новшеств из Европы, поскольку первые шаги в производстве изразцов всегда связаны с разными формами импорта технологий. Массовость изделий и рыночный характер их производства, по крайней мере, с XVII в. позволяет наблюдать «аккультурацию» новинок в пространстве Московии, работу таких механизмов, как отбор особенно привлекательных (или просто приемлемых) сюжетов и доступных подражанию технических приемов, их дальнейшую трансформацию. В результате решаются задачи восприятия «своего» и «чужого», внося новые важные детали в историю модернизации России XVI–XVII вв.

Для решения интерпретационных задач широко привлекаются традиционные источники (письменные, иконографические, геральдические и иные). Результаты решения всех задач синтезируются на промежуточных стадиях, обеспечивая последующий историко-культурный синтез, который на новом уровне раскрывает механизмы производства, распространения, функционирования

изразцов в городской среде, с последующим их осмыслением на уровне общей истории русской культуры Московского периода.

Научная повизна работы.

До сих пор ни один из узко дисциплинарных подходов не охватывал изразцы целиком как явление и не предполагал полноценное использование их как особой категории исторических источников. В диссертации изразцы впервые рассмотрены как самостоятельный вид источников. С их помощью на основе комплексного подхода выявляются особые элементы городской культуры Московской Руси, ранее не попадавшие в поле зрения историков.

С никогда ранее не достигавшейся полнотой охвачены комплексы изразцов на древних зданиях и в музейных собраниях (Москвы и некоторых других городов), включая случайно обнаруженные предметы и их документированные серии, происходящие с разобранных зданий или полученные при археологических раскопках. Источниковедческий анализ впервые охватил всю коллекцию изразцов МГОМЗ (ранее ГМЗ «Коломенское»), насчитывающую около 16 000 единиц хранения, и многие другие (полный обзор см. во втором разделе главы 1). Исследование такого объема предметов впервые проведено с использованием всего арсенала музейной атрибуции и экспертизы, включая сюжетную, технологическую, в ряде случаев эпиграфическую и др. При этом изучались не только предметы, но и здания, с которыми они могли быть неразрывно связаны, а также социальные организмы и группы, благодаря которым они смогли появиться. В результате впервые создана информационная база, представленная и вводимая в оборот в виде свода памятников архитектуры Москвы с изразцовым декором, куда включены ранее неизвестные или считавшиеся полностью утраченными комплексы (см. приложение).

Выполнение этих задач обеспечило гораздо более полное раскрытие механизма производства, распространения, функционирования изразцов в городской среде. Изучив комплексы предметов вместе с их окружением, мы получили возможность осветить особенно интересную область – взаимодействие реальных личностей, вступавших между собой в деловые и иные отношения по поводу заказа, производства, покупки, сборки и установки

изготовленных объектов. Отношения эти, как будет показано, иногда поднимаются до уровня политики, а их субъекты оказываются высокопоставленными и исключительно яркими историческими персонажами.

Впервые появилась возможность проследить на избранном материале оттенки социальной психологии, психологии потребления. Понять причины тех или иных вкусовых предпочтений москвичей, выявить общественную нишу на «рынке материальной культуры», которую постепенно заполнило такое мощное и бурно развивавшееся, особенно на протяжении XVII в., явление, как изразец. Это отчасти помогло разобрать и механизм усвоения западных инноваций (отнюдь не только технологических), проследить их судьбу на русской почве.

Практическая значимость работы.

Практическое использование результатов работы началось еще в процессе ее написания, особенно после выхода первых книг автора по этой теме. Основной областью применения стала музейная и реставрационная практика. На заложенные в диссертации методические подходы опиралась осуществленная в 1980–2000-х гг. работа по комплектованию огромного по объему комплекса строительной керамики XV–XVII вв. (в собрание МГОМЗ поступило около 7000 музейных предметов); по атрибуции и каталогизации в рамках учета и изучения музейных предметов (КП, Научный инвентарь, КАМИС, электронные публикации), а также по изданию первого научного каталога архитектурного изразца Москвы XVII в. из собрания МГОМЗ. Научные наработки широко используются для составления экспертных заключений (письменных и устных) для музеев России, участия в работе Экспертного совета Фонда по воссозданию Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря (с 2010 г.), экспертных фондово-закупочных комиссий МГОМЗ и Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века».

Не менее важно применение этих методик при создании музейных концепций, тематико-экспозиционных планов экспозиций и выставок, как в России, так и за рубежом.

Работа нашла широкое применение при реставрационных и архитектурно-археологических исследованиях. В процессе реставрации коллекции изразцов МГОМЗ, осуществляемой ВХНРЦ им. академика И. Э. Грабаря, используются разработанные под

руководством автора реконструкции фрагментов декора, а также выработанные совместно с реставраторами приемы. Методика описания и анализа технологий применяется при натурных работах в Коломенском с 1990-х гг. и, с особым размахом, при активно ведущемся с 2010 г. изучении памятников Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря с целью их восстановления и создания музея. В разрабатываемой автором концепции этого музея тема изразцового производства займет центральное место.

Полученные научные результаты широко используются в практике преподавания. На них основаны курсы «Комплектование, учет, хранение музейных предметов», «Основные направления музейной деятельности», спецкурс «Музейный хранитель: профессия и призвание», научное руководство дипломными и магистерскими работами на кафедре Музееведения РГГУ (8 дипломных работ и 3 магистерских диссертации), спецкурс «Московский изразец» в СПГГУ, занятия в рамках повышения квалификации для музейных сотрудников в АПРИКТ. Эти данные используются при консультациях для историков и искусствоведов, включаются в труды по истории, культуре, быту, церковной жизни, искусству России XVI–XVII вв.

Методология и методы исследования.

Исследование изразца как части материального культурного наследия, предмета музейного комплектования и хранения, консервации, работы по атрибуции и музейной экспертизе базируется в основном на методах практического музееведения. Эта часть исследования не выходит из рамок общепринятой теории музеологии, охватывая весь спектр тем, связанных сегодня с изучением изразца как части движимого наследия, включенного в состав коллекций. Важная особенность методического подхода в данном случае состоит в том, что изразец представляется одновременно и как часть недвижимого культурного наследия – в тех случаях, когда он сохраняется в составе уцелевших памятников архитектуры. Здесь методы музееведения, консервации и реставрации практически смыкаются, переходя друг в друга. В свою очередь, применяемые методы реставрации и консервации в их теоретической части укладываются в общие представления о принципах научной реставрации, зафиксированные рядом общесовременных и всемирных деклараций (Венецианская

хартия и др.) и отраженные в методической литературе, российской и зарубежной.

Иначе обстоит дело с реализацией системного подхода к изразцу как историческому источнику. В системе источников, на основе которых формируется историческое знание, за последние два столетия произошли существенные перемены, в их числе – включение в круг источников «нетекстовых» свидетельств, прежде всего объектов материальной культуры, приемы критики и интерпретации которых с точки зрения исследовательской процедуры существенно отличаются от приемов, используемых в области письменной истории. Конечно, такие группы источников, как монеты, печати, наградные знаки, инсигнии, бытовые предметы, надгробия и другие артефакты, в том числе изразцы, историки широко использовали и раньше. Но в основном как иллюстрации или как носители надписей или символов, к которым применялись традиционные виды анализа (текстологический и др.).

С развитием музееведения, теории и истории реставрации, истории материальной культуры, археологии и близких им дисциплин, в значительной мере опирающихся на «немые» свидетельства и широко привлекающих приемы из областей точных и естественных наук, историческое исследование материального мира прошлого стало гораздо самостоятельнее и более системным. Это произошло не спонтанно, а благодаря приложению целенаправленных усилий, для выявления информационного потенциала, накопленного в области материальной культуры человечества и пригодного для исторических заключений. Так, за столетие с середины XIX до середины XX в. было выработано представление об объектах архитектуры как многогранных исторических источниках, в результате такого подхода были заново написаны исследования, например, в области истории культуры и искусства домонгольской Руси. Критическая переоценка оказалась полезной и для семантически сложных, многоуровневых объектов, таких как городские некрополи, и для отдельных групп артефактов, например безымянных надгробий Московской Руси.

В каждом таком случае требовалось разработать и показать в действии механизм формирования нового исторического знания на основе анализа избранной группы объектов. В результате в области средневековой истории, которую освещает достаточно широкий круг

традиционных источников, применение метода параллельного анализа неписанных и письменных свидетельств с последующим сравнением результатов привело к появлению комплексного или мультидисциплинарного подхода.

В работе использована принципиально близкая методика, но примененная к иной группе носителей информации. Комплексный подход необходим для более глубокого понимания процессов, прослеживаемых как на уровне местной «короткой» истории, так и в гораздо более широком пространстве и хронологическом интервале, близком понятию «длительного времени». Он принципиально схож с направлениями западной исторической антропологии с ее вниманием к истории повседневности и особенно микроистории (Ж. Ле Гофф и др.), которые со второй половины XX в., а особенно в последние десятилетия, заняли прочное место в отечественной науке.

К анализу изразца как особого исторического источника привлекаются смежные области исследования (история строительства, геральдика, эмблематика), а также на первый взгляд мало связанные с ним генеалогия, просопография и другие специальные исторические дисциплины. Потребовался также целый ряд предварительных исследовательских аналитических процедур.

Особую роль в исследовании играет критика источников, источниковедческий анализ изразцов и связанных с ними иных источников как подлинных документов своего времени. Эти методы стали главным рабочим инструментом и позволили проникнуть в суть ряда явлений жизни позднесредневековой Москвы. Так, выявление полного круга московских объектов (сохранившихся и утраченных памятников с изразцовым декором, изразцовых печей, отдельных изразцов и коллекций) обеспечило переход к определению своеобразия и функционирования элементов; к систематизации и анализу основных сюжетных мотивов; к раскрытию содержательной тематики отдельных изразцов и их комбинаций; к изучению организации и истории производства в Москве; к определению периодов становления и развития московского круга мастеров и мастерских/школ.

Положения, выносимые на защиту.

На защиту выносятся положения, образующие две группы: методические положения, вносящие уточнения в процедуру

исследования изразца как предмета музейного комплектования и хранения, консервации и архитектурной реставрации, а также историко-культурные, рассматривающие изразцы как особую область исторических источников.

Изразцовый архитектурный декор изначально представлял неотъемлемую часть сооружения, его установка шла одновременно с кладкой стены, он хронологически связан с моментом строительства или капитальной перестройки. Следовательно, фасадная керамика может применяться для датировки архитектурных объектов: если дата изготовления изразцов известна, по ним можно датировать сам памятник (и наоборот: дата постройки здания близка дате изготовления изразцов).

Замены на копии отдельных архитектурных изразцов или целых серий на сооружениях XVI–XVII вв. начались еще в XVIII в. Следовательно, их присутствие на историческом сооружении не является надежным доказательством аутентичности и требует экспертизы подлинности как внутренней критики источника. Однако изразцы-копии позволяют в ограниченном диапазоне судить о прототипах, если те не сохранились.

Критериями подлинности изразца, при необходимости определить ее применительно к изразцам музейного хранения, служат: цвет и оттенки поливы; характер рельефа; составы глин и качество обжига; конструкция румпы, включая рисунок отверстия в ней; следы строительных растворов или сажи; способы крепления. Для изразцов, сохраняющихся в составе памятника архитектуры, дополнительный критерий подлинности – архитектурно-археологические натурные наблюдения над положением в кладке и выявление их возможных различий.

Традиционная классификация изразцов на архитектурные и «печные» условна и требует уточнения. Архитектурными можно считать только неразрывно связанные с фасадами зданий композиции. По информативной нагрузке, сакральному значению, они сравнимы со священными изображениями (иконами), летописными и церковно-учительными текстами. Это сложные, уникальные или мало тиражируемые объекты, отвечающие высокому статусу здания и даже повышающие его (в том числе благодаря декоративности). Это элитная, престижная модель, производившаяся по государственному

(царскому, патриаршему) заказу и лишь в исключительных случаях доступная высшему кругу московского общества (представители двора, богатые монастыри, Гончарная слобода, жители которой непосредственно производили изразцы). Изразцы, обычно именуемые «печными», используют не только для облицовки печей, они часто попадают и на фасады. Их отличает широкое распространение и не столь высокая цена. Но, главное, это серийные, тиражные изделия, систематизированные для сборки малых архитектурных форм из заданных «стандартных» деталей, предлагаемых на рынке или обжигаемых по образцам в нужном количестве. Это изделия для городского среднего класса, которые, однако, могут закупаться и для царского обихода, причем закладывается модель отбора, определяющая подход к формированию облика бесчисленных дворцовых печей (печи царского дворца в Коломенском, путевые дворцы и др.).

Музейная и реставрационно-архитектурная экспертиза в ряде случаев не только участвует в атрибуции фасадной керамики и установлении конкретных мастеров – исполнителей изразцов, имена которых могут быть известны (Степан Полубес и др.). С ее помощью оценивается роль зодчего в создании изразцового декора, определяется его участие на стадии заказа и/или исполнения декорации (здание Главной аптеки и роль О. Д. Старцева).

Важный признак фасадной керамики Москвы – ее вариативность. В изразцовом убранстве использовали подчеркнуто ограниченное количество разновидностей изразцов, но изменения в сочетаниях, перестановки и цветовое разнообразие одних и тех же форм позволяло достичь эффекта разнообразия, упростив в то же время технологию, уменьшив потребность в квалифицированных мастерах и значительно сэкономив общие затраты производителя.

Генезис московского изразца обладает значительной, более столетия, протяженностью, с конца XV до начала XVII в. Процесс был не прогрессивно-эволюционным, но импульсивным. Это серия непродолжительных, не связанных друг с другом и не получивших развития, но ярких в социокультурном отношении опытов введения фасадной декоративной керамики как статусного элемента в монументальные (рельефные фризы церквей) и бытовые объекты (горшковые печные изразцы, разнородные «пробные» изделия).

Предпосылками усвоения стала организационная и технологическая готовность гончарного производства Москвы (уходящая корнями в производство глазурованной керамики X–XIII вв.) к удовлетворению возникавшей потребности в принятии двором и Церковью элементов «культурного кода» городов Европы. Процесс был прерывистым из-за невозможности постоянного участия иноземных мастеров, политической и социальной нестабильности в государстве во второй половине XVI в.

История развития изразца в Москве в XVII в. демонстрирует более полный эволюционный цикл развития архитектурной керамики, от использования небольших («печных») изразцов до распространения крупных монументальных изделий (крупные панно, составные раппорты, керамические иконы), определивших облик московского фасада. Однако до второй половины XVII в. элементы импульсивности в процессе сохраняются. Количественный состав памятников отражает динамику развития изразца. Прослеживается движение от единичных объектов первой половины XVII в. к резкому росту числа объектов (с конца 1660-х гг.), массовому производству в 1680–1690-х гг. Пик процесса приходится на последние годы XVII – первые годы XVIII в., а за ним следует падение в связи с резкой переменой культурного вектора.

Во второй половине XVII в. сложилась и существовала несколько десятилетий (конец 1650-х – 1690-е гг.) самостоятельная московская школа ценинного дела. В ее творениях выразились эстетические и духовные запросы горожан, благодаря ее появлению сложился особый городской стиль московского изразца. Ее существование обеспечило высший расцвет изразца в Московском государстве, для которого характерно высокое техническое совершенство резных форм, эмалевой поверхности, тянутые на круге сложные румпы, богатая цветовая палитра, а в композиционном отношении – крупные панно, составные раппорты, керамические иконы и монументальная эпиграфика. Введение нового вида изразцов (полихромных/ценинных) в городскую среду Москвы носило повсеместный характер. Потребность в изразцовом декоре, внимание к нему проявлялись в ходе развития московской культуры неоднократно и были органичны для нее.

Московскую школу производства изразцов составили профессиональные художники-технологи: выходцы из мастерских

Ново-Иерусалимского монастыря, обученные в европейской традиции, и местные гончары, накопившие к середине XVII в. богатый опыт. Сложению школы способствовало развитие московского рынка ремесленной продукции и зачатки региональной специализации гончаров: московские мастера производили больше технологически сложной, высококачественной и дорогостоящей столовой (чернолощенной, поливной) посуды и печных изразцов; мастерские окрестных городов снабжали москвичей дешевой кухонной утварью.

По налаженным в среде московской городской торговли каналам изразец нашел дорогу в дома состоятельных горожан (ремесленников, торговцев, приказных), в усадьбы знатных землевладельцев и на фасады церквей. Изразцы производили и продавали в значительных количествах. Выделяется два типа заказа изразцов: специальный, рассчитанный на постройку уникального, индивидуально спроектированного здания, и стандартный, реализуемый через прямую рыночную закупку готового набора (или через типовой заказ). Художественно-технологическое отличие специально заказанных изразцов заключалось в нарезке новых форм-штампов, использовании особых технологических вариантов эмалей, нестандартных размеров и лицевых композиций.

Ко второй половине XVII в. интерес заказчика в лице двора и Церкви к новому декоративному стилю, который представляли эмалевые изразцы, определил их широкое применение в зданиях с важной идеологической, политико-репрезентативной и градостроительной функцией. Интенсивный рост производства в 1650–1670-е гг. обеспечили беспримерно крупные, иногда уникальные по объему заказы архитектурных изразцов. Сложилась устойчивая, отработанная форма отношений исполнителей (придворные «государевы мастера») и заказчиков. Изразцовое производство в слободах Москвы выделилось в специализированный вид ремесла, передаваемого по наследству, с прохождением стадии ученичества и разделением труда. Как фасадная керамика, изразцы сохраняли характер статусных изделий до конца XVII в., использовались только на церковных и царских постройках. Но их использование не было юридически оформлено как исключительное право Церкви или царя. По мере усвоения технологии изразец широко распространился в городской культуре, охватив всю верхушку русского общества,

которой стремились не уступать жители слобод, в первую очередь Гончарной, объединявшиеся желанием украсить местный храм не хуже. Кроме того, именно изразец обеспечил развитие и устойчивое распространение большой русской печи, в которой он служил не только декоративным, но и конструктивным элементом. Развитие этих конкретно-исторических форм подняло значение изразца до уровня базовых элементов, характеризующих культуру России Московского периода.

Московские изразцы стали одной из знаковых, универсальных черт культуры Московского государства эпохи его высшего расцвета. По огромной и все растущей территории Руси они распространяются («мигрируют») в XVII в. из единого центра путем перевозки готовых изделий и перемещения мастеров. Характерные, унифицированные типы встречаются повсюду и легко узнаваемы. Чему не противоречит начало формирования региональных версий московской модели: фиксируются локальные изменения технологического характера (форма румпы, качество рельефа и глазури), а главное, тематико-стилистические варианты.

Классификация сюжетов изразцов, общая иконография изразцового декора, а также технология свидетельствуют на всем протяжении истории русского изразца XV–XVII вв. о связи с европейским культурным ареалом. Предполагавшаяся в науке ориентальная струя не находит подтверждения в материале (отдельные восточные элементы проникают в московскую изразцовую орнаментику не с аналогичными по типу изделиями, а через распространенные композиции текстильного узора, применяемые и в Европе). В то же время именно изразцы демонстрируют использование западных импульсов для развития на местной почве своеобразного национального культурного явления. Они дают возможность наблюдать типичный для московской культуры механизм отбора, усвоения и творческой трансформации, опирающийся на вырабатывающиеся свойства национального художественного сознания и приводящий к сложению устойчивых форм орнамента, ставших специфически русскими.

Апробация результатов исследования и степень их достоверности.

Основные положения диссертации представлены в 96 статьях, в том числе вышедших за рубежом, а также в 5 монографических изданиях. Из них 19 изданы в рецензируемых журналах, входящих в систему РИНЦ. Значительное количество публикаций вышло в музееведческих изданиях («Вестник РГГУ», серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология»; журнал «Музей» и др.).

Научные выводы и материалы диссертации были представлены на более чем 50 конференциях, симпозиумах, семинарах, в том числе международных. Среди них основные: конференция «Русский изразец» (1993, МГОМЗ), научный совет «Позднее средневековье в истории России» (2001, ГИМ), чтения памяти Л. А. Давида в ЦНРПМ (2004, 2005, 2013, 2014), «Никоновские чтения» (2001, 2002, ГИАМЗ «Новый Иерусалим»), чтения памяти П. Д. Барановского (2001, 2002, 2007, 2010, 2013, РГГУ), конференции «Искусство христианского мира» в (2003, 2004, 2009, ПСТГУ), семинары «Проблемы археологии и истории Москвы и Подмосковья» (1999, 2000, 2002, Музей истории Москвы), конференция «Строительная керамика Восточной Европы в эпоху Средневековья и Возрождения: сохранение и передача культурных импульсов» (2005, МГОМЗ, ГЭ), конференции «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании» (2007, 2012, 2013, РГГУ), Забелинские научные чтения (2008, ГИМ), конференция «Искусство и культура русской усадьбы XVII–XIX вв.» (2008, МГОМЗ), Кадашевские чтения (2008, ц. Воскресения в Кадашах), юбилейная научная конференция к 200-летию со дня рождения Ф. Ф. Рихтера (2008, Московский Кремль), Всероссийские краеведческие чтения (2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, РГГУ), конференции «Архитектурное наследство» (2008, 2009, 2011, 2013, НИИТАГ), конференция «Коломенское. Россия и Европа XVII века» (2009, МГОМЗ), научно-практический семинар «Краеведение в музейном сообществе» (2009, МГОМЗ, Московское краеведческое общество, РГГУ), научные чтения памяти И. П. Болотцевой (2010, 2012, Ярославский художественный музей), конференция «Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин» (2010, РГГУ), конференция «Историческая география: пространство человека VS человек в пространстве» (2011, РГГУ),

конференция «Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства» (2011, ГТГ), конференция «Археография музейного предмета» (2012, РГГУ), конференция «Новый Иерусалим: История и современность» (2012, ГИАМЗ «Новый Иерусалим»), конференция «От смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.» (2012, ИИ РАН и ИА РАН), конференция «Академическое искусствоведение, археология, научная реставрация сегодня» (2013, Высшая школа реставрации РГГУ), конференция «Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: Призвание, творчество, научное служение историка» (2014, РГГУ) и др.

Важным элементом апробации стали экспозиции и выставки, проведенные по авторским концепциям или в составе авторской группы: «Город храмов и палат» (1997. Москва, Белые палаты на Пречистенке); «Московский изразец» (1996–2007. Москва, МГОМЗ); «Вехи истории Коломенского» (с 2006 г. по настоящее время. Москва, МГОМЗ), «Мастера. Техника и искусство русского строителя XIV–XIX веков» (с 2007 г. по настоящее время. Москва, МГОМЗ); «Московский изразец» (с 2007 г. по настоящее время. Москва, МГОМЗ); «Из музейной сокровищницы. Новые поступления» (2012. Москва, МГОМЗ) и др. Результат изучения региональных версий апробирован при создании концепции и тематико-экспозиционного плана, а также аннотирования выставки «Путь изразца» (2012–2013. Государственный историко-архитектурный и художественный музей «Остров-град Свияжск»). Особое значение для апробации приобрело участие в выставке «Sainte Russie» (2010. Париж, Лувр) и ее аналоге «Святая Русь» (2011. Москва, ГТГ).

Продолжением работы по экспонированию материала стало создание концепции «Музея изразца» в усадьбе Измайлово и презентация проектов двух международных выставочных проектов: «Русский kachel» в Немецком музее керамики (Дюссельдорф, Германия) и «1000 лет русского изразца» в Национальном музее декоративного искусства (Мадрид, Испания).

Достоверность результатов подтверждает широкое использование коллегами выводов и материалов исследования, уже много лет вводимых в науку, а также многочисленные положительные рецензии

и активные отзывы специалистов на опубликованные монографии и проекты выставок.

Структура и объем диссертации.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, приложения (свода памятников архитектуры Москвы XV–XVII вв. с изразцовым декором), списка принятых сокращений и списка литературы и источников.

Общий объем диссертационного исследования составляет 283 страницы, включающие в себя приложение (Свод памятников) на 20 страницах.

К работе прилагается библиографический список – 30 опубликованных источников, список литературы из 437 наименований на русском и 43 наименований на иностранных языках и список архивных (неопубликованных) источников (385 позиций).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава 1. Изразец как исторический источник.

1.1. Изучение русских изразцов в XIX – начале XXI века: формирование методик.

Русский изразец привлекал внимание исследователей, художников, архитекторов и реставраторов, собирателей, создателей музеев, археологов, историков церковного, придворного и народного быта с XIX в.

Ко второй половине XIX в. изразец был осознан как одно из самобытных проявлений русской средневековой культуры. В исторической науке этого периода можно выделить архитектурно-реставрационное, архивное и музейное направления исследований, к которым в первой четверти XX в. присоединяется технологическое и археологическое направления и изучение истории изразца в рамках истории искусства.

В 1880–1900-е гг. в изучении русского изразца обозначились три новых направления: начало собирания (коллекционирования) изразцов музеями; включение в научный процесс, наряду с реставрационной натурной работой, полевой археологии; изучение технологий производства.

Параллельно начался сбор московского изразца археологами, особенно активный в 1930-е гг. С 1960-х гг. объем вводимой в оборот информации постоянно возрастает, помогая уточнять датировки и прояснять технологические вопросы. Реставраторы, в 1950–1980-е гг. занимавшиеся историей изразца как элемента архитектуры, отчасти усвоили разработанные в археологии методики.

Наиболее яркие примеры русского изразца историки архитектуры и музееведы 1950–1960-х гг. все охотнее привлекали для анализа культуры России позднего Средневековья.

С 1970-х гг. начался новый этап в изучении изразца, который продолжается до сих пор. Для него характерно нарастающее разнообразие методических подходов и распространение убежденности в особой значимости изразца как объекта наследия, стремление к публикации, интенсивная работа в музеях и на памятниках, попытки заново осмыслить процесс развития изразца в России.

В 1980–1990-х гг. стала очевидной потребность в методике, которая будет шире каждого из традиционных подходов и объединит их все. Обозначился комплексный подход, сочетающий источниковедение с изучением истории и культуры повседневности,

позволяющий существенно продвинуться в понимании изразца как явления истории отечественной культуры.

В итоге регионально-исторических исследований сложилась не полная, но по-своему цельная картина изразцового производства второй половины XVII в., опиравшаяся на центры, определявшие его динамику. Появилась возможность составить представление о формах и уровне усвоения технологических и иконографических новшеств при посредстве мастеров, прибывавших из Европы.

Изразцы Москвы невозможно полноценно оценить, не вписав их в общую картину развития архитектурной керамики в Европе, особенно на бывших древнерусских землях. Но степень интереса к этому материалу в музейном деле соседних стран неодинакова. В Белоруссии их глубоко исследуют с 1980-х гг., благодаря чему имеется хороший материал для сравнений. Не столь развиты исследования изразцов на Украине, а в Центральной и Западной Европе, работ, которые можно непосредственно связать с историей русского изразца, просто нет.

Обзор исследовательской литературы о русских изразцах эпохи Московского государства показывает, что интерес к ним неуклонно рос. Попытки сформировать единый научный подход к постоянно пополняющимся собраниям, использовать их для решения задач истории культуры и музейной работы, археологии и реставрации, умножаются. Структурирование фактологической базы, разработка источниковедческого фундамента делаются все насущнее и определяют потребность рассмотреть изразец как полноценный, многогранный исторический источник.

1.2. Обзор источников.

Прежде всего, источниками для изучения изразца как явления московской жизни являются сами изразцы, анализируемые в соответствии с комплексным подходом и как продукт производства, и как элемент быта, и как явление культуры.

В музейной практике изразец чаще всего воспринимается как самостоятельное изделие, как произведение декоративного искусства. Однако такой взгляд искусственно ограничивает, исключает изразец из большого контекста, частью которого, по сути дела, он всегда являлся. Исторически он мыслился как включенный в иерархическую или линейную, но всегда продуманную структуру (фасад здания, печь или иное сооружение). Как объект исследования изразец тоже всегда вписан в широкий контекст.

Существенную часть материальных источников диссертационного исследования составляют здания Москвы и ее ближайших окрестностей, но в ряде случаев необходимые исследования были предприняты и в других городах – например в Ярославле. Архитектурных объектов с изразцовым декором сохранилось не так много из-за утрат и перестроек XVIII–XX вв., приводивших часто к полному уничтожению зданий или их архитектурных слоев, к сокрытию остатков керамического декора под закладками и толстыми слоями штукатурки. В данном исследовании была проведена работа по восстановлению этих источников, необходимая для того, чтобы отчетливо представить процесс развития изразцов в Москве, восполнить список архитектурных объектов, на которых они использовались.

К объектам материальной культуры примыкают отчеты о раскопках и реставрационных исследованиях. В эту же группу следует включить иконографический и письменный материал музейного или архивного хранения: зарисовки и фотографии предметов и зданий, опыты графических реконструкций и т. п.; музейную документацию; исследовательские тексты. Материалы эти в подавляющем большинстве не опубликованы и не использовались при исторических исследованиях, хотя потенциал их изучения, несомненно, широк.

Письменные и отчасти изобразительные источники составляют второй главный раздел материалов. Многие из них опубликованы, известны и изучены. Это, например, все необходимые для исследования раннего периода русские летописи; описи города Москвы XVII–XVIII вв.; материалы для церковной топографии. Особую ценность для данного исследования представляют документы по истории строительного дела, описи имущества, переписи дворов и жителей Москвы, приходно-расходные и подрядные книги и столбцы приказов и монастырей.

Отдельную часть источников образуют воспоминания и другие описательно-литературные и краеведческие материалы XVIII–XIX вв. Такие материалы в работе использовались для изучения социокультурной среды, окружавшей древние памятники, а в некоторых случаях – и для извлечения конкретной информации об их сохранности, о ходе реставрационных и иных работ.

Представленный в работе корпус источников требует тщательного анализа и исследования, и среди решаемых в диссертации задач выделяются проблемы атрибуции изразцов.

1.3. Проблемы атрибуции изразцов.

Задачу данного раздела можно сформулировать как определение круга памятников, на которых исследователь сталкивается не с подлинными изразцами, а с их копиями. Круг таких памятников, как выяснилось в ходе исследования, гораздо шире, чем принято считать. Проблема того, насколько результаты процесса взаимодействия исследователей и копиистов с подлинниками влияют на современную науку, очень серьезна и вполне осознается в современной науке.

Известно, что с течением времени первоначальная облицовка ветшала, требовала починки и замены. Такие случаи в последние годы иногда отслеживаются археологически, но главным образом история ремонтов, копирования и замены изразцов выявляется с помощью архитектурного исследования и архивной работы.

Реставрация в России в современном понимании этого слова (как комплекс мер, направленных на максимальное раскрытие в памятнике признаков ушедшей культуры и максимальное сохранение его подлинного, неповторимого тела) сформировалась лишь в XIX в. Но осознание необходимости восстановления и сохранения форм и качеств изначальных изразцов возникло существенно раньше.

В XVIII в. сложилась практика ремонтно-восстановительных работ, в рамках которой отношение к храму как святыне постепенно начинает сочетаться с уважением к его древности, и всё чаще на ответственных сооружениях воспроизводят именно первоначальные формы и детали.

Особое значение проблема сохранности изразцового декора приобрела в XIX в. В это время культурная ценность памятника осознается через его принадлежность к определенному историческому периоду, к определенной типологической группе и т. д.

В большинстве случаев преобладавший принцип целостной реставрации и представление о возможности вполне идентичного повторения древней формы приводили к замене древних элементов новыми изделиями-копиями. Однако уже в начале XX в. возникло понимание необходимости максимального сохранения при реставрации подлинного материала, которое должно было одновременно сочетаться с пониманием условности восполнений. Это способствовало появлению новых реставрационных приемов, в первую очередь – докомпоновкам утраченных фрагментов, в том числе и в керамике.

Копии изразцового декора неизбежны. Но часть копий не обязательно выводить из круга источников, напротив, они важны для

прямого изучения своих древних прототипов (а также для истории реставрации, архитектуры, искусства).

Очевидно значение, которое приобретают подлинные изразцы, хранящиеся в музейных собраниях: зачастую это единственное свидетельство былого декора. К сожалению, на изразцы музейного хранения, поступившие в первые годы советской власти, во время сноса памятников, часто отсутствует соответствующая документация, и для установления источника их поступления требуются дополнительные исследования. Поэтому работа по преодолению неясностей или противоречий в атрибуции таких артефактов – важнейшее направление источниковедческой составляющей диссертационного исследования.

Работа велась в двух направлениях: во-первых, выявление принадлежности сохранившихся в музейных коллекциях изразцов тому или иному памятнику, во-вторых, подтверждение использования изразцов и выявление их размещения в системе декора несохранившихся памятников. Произведения, не дошедшие до нашего времени, были изучены благодаря имеющемуся изобразительному материалу и по разновременным описаниям. В этом случае при использовании источников обращалось внимание на критический анализ их достоверности. Все опубликованные источники подтверждались архивными материалами, а в конечном итоге – выявленными подлинными деталями изразцового декора.

Другим важным вопросом изучения изразцового декора, как сохранившегося на памятниках, так и фрагментарно представленного в музейных собраниях, было уточнение датировок. Изучение истории московского изразцового декора подтверждает, что датировку изразца в большинстве случаев можно связывать с датой постройки или перестройки здания.

О том, что изразцовый декор создавался одновременно со строительством, говорили многие исследователи. Однако известны случаи, когда изразцовые детали появлялись на постройках после строительства. Появление этих деталей было связано с перестройками или ремонтными работами. Сведения о строительстве или перестройке памятника служат основой для датировки и атрибуции, поскольку крепление изразцов осуществлялось параллельно с кладкой стены.

В свою очередь, и фасадная керамика может выступать в роли датирующего признака памятника. Необходимость максимально точной атрибуции отдельного изразца, позволяющего использовать его при датировке архитектурного памятника, обуславливает актуальность одной из задач работы – установление возможности классификации архитектурных изразцов по признакам принадлежности к определенной, точно датированной группе.

Примененные подходы позволяют определить и преодолеть ключевые препятствия, встающие перед исследователем при обращении к источникам. Эти препятствия: утрата огромной части монументальных сооружений и практически всех печей, которые в XV–XVII вв. украшали изразцы; далеко недостаточная реставрационная изученность сохраняющихся памятников; малая проработанность музейных и архивных фондов; спорность бытующих атрибуций.

Практика доказала возможность восстановления информации о полностью или частично утраченных памятниках архитектуры с изразцовым декором при опоре на архивные сведения, документы музейного хранения, изображения, а также сами музейные коллекции изразцов. Доказана и возможность обнаружения неизвестных до сих пор частей изразцового декора под ремонтными слоями и закраской. Эти скрытые источники предстоит привести в известность в ходе реставрационных натурных работ, при которых исследователи смогут использовать выработанную в процессе данной работы комплексную методику привлечения к поиску материалов музейных собраний.

Очевидно, что продолжение и расширение обработки источников принесет новые открытия, которые помогут глубже, подробнее, увереннее проследить историю развития московского изразцового производства.

Глава 2. Изразцы в Москве: история становления и развития.

2.1. Две линии в развитии изразца в XV – первой половине XVII века: изразцы внутри и снаружи зданий Москвы.

Все русские изразцы позднего Средневековья можно условно разделить на две функциональные группы.

Первую группу составляют неразрывно связанные с фасадами зданий изразцовые композиции, которые по информативной нагрузке и сакральному значению сравнимы с каноническими священными изображениями (иконами), церковно-учительскими текстами, храмовыми надписями и развитыми орнаментальными схемами. Это сложные, как правило, уникальные или мало тиражируемые объекты, которые соответствуют высокому статусу здания. Такие изразцы становились декоративным элементом, повышавшим значение постройки. Их можно отнести к элитным, престижным изделиям, обычно производившимся по государственному (царскому или княжескому) заказу.

Вторую группу образуют сравнительно дешевые, гораздо менее престижные и, соответственно, более распространенные керамические

элементы, чаще всего использовавшиеся в интерьере (хотя и не только) зданий – декоре печей, покрытии полов и кровли. Это своего рода полуфабрикаты для создания малой архитектурной формы, которая собирается из заданных, имеющих в продаже (или обжигаемых по образцам в нужном количестве) «стандартных» деталей.

Конкретно-исторические формы бытования обеих групп были связаны с определенным течением событий раннего этапа развития московского изразца.

Во-первых, это последовательные и яркие в социокультурном отношении эпизоды введения изразца как статусного элемента в монументальные объекты (с конца XV до начала XVII в.). Во-вторых, это история применения глазури для производства керамики, уходящая к узловому моменту всей русской культуры – контакту со средневизантийской традицией в X–XI вв. В-третьих – формирование устойчивой традиции использовать изразцы как конструктивный и демонстрационный элемент печи (с конца XVI в.). Развитие этих трех конкретно-исторических форм и позволило родиться и развиваться изразцу как характерному явлению московской культуры.

Первый известный эпизод – распространение в конце XV – начале XVI в. рельефных терракотовых плит. Они, как правило, связаны с конкретными памятниками, воспринимаются как реплики резного белокаменного (и керамического, западноевропейского по происхождению) декора и поэтому хорошо датируются. На стенах зданий плиты входили в завершение алтарных апсид, барабанов глав, верхних частей кладки под закомарами, в обрамление дверных проемов – т. е. в зоны, традиционно украшавшиеся белокаменной резьбой.

Второй эпизод связан с историей изготовления глазурованной керамики на Руси. Именно глазурь обеспечивает два существенных качества, без которых сама история изразца как изделия и части визуального мира Москвы выглядела бы совершенно по-иному, – блеск и цвет, характернейшие для средневекового общественного быта категории, стремление к достижению и совершенствованию которых – неотъемлемая часть как «истории повседневного», так и истории «демонстрации возможностей».

Керамические поливные плитки появились в Киевской Руси еще в X–XII вв., однако первое появление поливных изделий на фасадах зданий следует связать со строительством собора Покрова на Рву на Красной площади (1555–1561) и с созданием уникальных иконных композиций, состоявших из многих изразцов, покрытых многоцветной глазурью (Борисоглебский собор в Старице, 1558–1561).

Археологические находки в Московском Кремле позволяют сделать вывод, что в Москве 1550–1560-х гг. существовала, пусть недолго, «государева» керамическая мастерская, располагавшаяся в Кремле, в которой керамика для Великокняжеского дворца была изготовлена по старицким формам. Нам не известны другие примеры поливного декора в XVI в.

Среди ранних изделий, связанных с формированием традиции использования не только архитектурных, но и печных изразцов, можно отметить найденные во время археологических работ терракотовые плитки с рельефным орнаментом.

Первые изразцы пришли в Московию с Запада. На Западную Русь самые ранние «горшковые» изразцы с цилиндрической румпой и круглым устьем попали, предположительно, из нижней Германии – родины печного изразца, торговые связи с которой через Ганзейский союз были установлены в первой половине XIII в. Уже в XV в. горшковые изразцы стали постепенно вытесняться изразцами нового типа – с румпой коробчатой формы. Эти изразцы вышли из широкого употребления в Европе раньше, чем в Москве возникло собственное производство, поэтому период их бытования у нас не мог быть продолжительным и наступил, по крайней мере, с вековым запозданием – для прохождения в Москву европейских импульсов бытовой материальной культуры требовалось известное время.

К эпохе XVI в. неоднократно относили так называемые красные московские изразцы, указывающие на широкое распространение в городе достаточно примитивных по устройству печей «готического типа». Их уровень очень далек от неоднократно демонстрированного в XVI в. качества, которое подтверждало несомненное знакомство московских гончаров со всем спектром технологий производства изразцовых изделий, в том числе поливных. Датировка красных изразцов долгое время вызывала вопросы исследователей, однако благодаря археологическим работам последних лет можно датировать появление красных изразцов с известной степенью надежности и даже попытаться проследить их путь.

Появление в царских дворцах первых поливных печей не сбавило темпы производства красных изразцов. Исследования постоянно подтверждают одновременность бытования сходных по размерам, орнаменту, характеру рельефа изразцов: изготовленных из красножгущих глин и муравленных – из беложгущих и красножгущих (с ангобом или без ангоба), а позже и многоцветных. Красные и поливные изразцы часто изготавливали в одном месте: на красных изразцах встречаются капли глазури, попавшей на них во время совместного обжига изделий в одной печи. Это создавало большие возможности для продвижения товара ремесленников на рынок:

богатые заказчики претендовали на глазурованные изразцы, менее состоятельные – только на терракотовые, красные.

Ярко обозначившийся в конце XV – середине XVI в. и приостановленный во второй половине этого столетия интерес к фасадной керамике возродился в Москве в 1630-е гг. и приобрел более-менее устойчивую форму к середине XVII в. Это принципиально иная модель, чем в XVI в. Прежде всего, изразец для здания не заказывается специально и не имеет каких-то особых «архитектурных» отличий – берутся обычные муравленные изразцы с традиционной для печных изразцов сюжетной и орнаментальной тематикой. Кроме того, они не образуют архитектурных или иконографических композиций, а используются как цветные орнаментальные вставки; при этом их собственный орнамент не играет существенной роли. Эта модель не обнаруживает зависимости от внешних импульсов, скорее можно говорить о подчеркнутой консервативности и упрощенности подхода. При этом первая треть XVII в. характерна бурным развитием красноглиняных терракотовых печей с их очень яркой сюжетной окрашенностью.

Определение ранней границы развития изразца в XVII в. удачно совмещает хронологический и формально-стилистический подходы. Его начало связано с появлением первых сооружений с изразцовым декором, а наметившаяся к середине XVII в. линия использования цветных вставок из поливной керамики не угаснет, как прежде, немедленно, но будет продолжена.

2.2. Изразец во второй половине XVII века.

Вторая половина XVII в. по праву считается временем расцвета изразцового производства, и ее следует рассматривать как отдельный, хронологически строго (до нескольких лет) очерченный период, а внедрение изразца в быт – как совершенно самостоятельное культурно-историческое явление, связанное с наступившими в Москве культурными переменами. Степень насыщенности изразцами, система их производства и их отражение в письменных источниках говорят о рождении новой модели коммуникативной визуальной структуры в городе. Это особенно заметно по изменению места, которое изразец занимает в общей системе здания: теперь это целая и уже структурированная система, своего рода «текст».

Такое преобразование Москвы было связано с феноменом создания изразцового декора Ново-Иерусалимского монастыря, роль которого в развитии русского изразцового искусства давно и безоговорочно признана исследователями, и переводом в столицу в 1666 г. его

мастеров-изразечников. Переводу предшествовало массовое переселение в Россию белорусских мастеров – носителей новых технологических и художественных приемов. Они привезли с собой секреты изготовления глухих оловянных эмалей и прозрачной поливы. Новшеством была и прямоугольная форма лицевой пластины изразца. Широкое применение непрозрачных эмалей позволило окончательно перейти к распространенным в московских землях красножгущимся глинам, что сыграло важную роль в дальнейшем развитии производства изразцов в России.

Основные составляющие изразцового наряда Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря – крупные, в полном смысле слова архитектурные керамические детали, соразмерные памятнику. В их изготовлении чувствуется не только рука мастера-керамиста, но и опыт зодчего – знатока европейской архитектурной традиции, способного воплотить в керамике ордерные формы.

Перечень сохранившихся и исчезнувших памятников Москвы с изразцовым декором приведен в Приложении к диссертационному исследованию.

В зависимости от места, занимаемого изразцами в структуре декора зданий Москвы, можно выделить несколько классификационных групп: отдельные декоративные вставки, из которых могли составлять горизонтальные или вертикальные ряды («строчки»), мало связанные с конструктивным членением фасада; ленты горизонтальных тектонических членений (фризy, карнизы); обрамления проемов; сплошные заполнения плоских и гладких криволинейных поверхностей фасада (облицовка); самодовлеющие композиции (иконные, геральдические и иные панно; надписи).

История развития изразцового декора Москвы убеждает, что его многообразие создавалось с помощью достаточно ограниченного количества типов изделий, т. е. путем использования стандартных деталей, производимых в массовом порядке (они исчислялись тысячами) и повторяемых в облицовке. Наблюдается также очевидное стремление добиться еще большего сокращения числа деталей, особенно за счет уменьшения количества дорогостоящих форм. Достижение разнообразия, вариативности, видимо, оставалось важной целью, которую достигали с помощью различных сочетаний и перестановок деталей, а также путем использования вариантов цвета отдельных изразцов. Всё это предполагает точный расчет и мастерство изготовителей: от того, как при производстве сложных деталей будет сделана их разрезка, в какой степени эти части окажутся удобны для соединения, зависит возможность и качество их вариантных сочетаний.

Характеризуя роль изразца в Москве второй половины XVII в., важно подчеркнуть, что, хотя составленный в рамках исследования свод зданий с изразцовым декором не равен полному корпусу каменных церквей, по объему он оказывается сопоставимым с ним. Количественный состав памятников отражает реальную картину развития изразца, динамику его движения от единичных объектов первой половины столетия к резкому росту во второй его половине. Если раньше можно было говорить о пробуждении интереса к изразцу как статусному элементу, то начиная с конца 1660-х гг. — об активном введении изразца в систему декора и резком росте числа объектов с изразцами в 1680–1690-е гг. Процесс достиг апогея к началу XVIII в. и почти сразу же завершился в связи с резкой переменой культурного вектора в эпоху петровских преобразований.

Высокая степень насыщенности изразцами памятников этого времени свидетельствует о том, что во второй половине XVII в. родился новый образ города.

Во второй половине XVII в. получает развитие и область применения изразца как малой архитектурной формы, т. е. в изразцовых печах, выдвинувшихся на заметное место в интерьере. Само явление не может считаться новым, поскольку к середине XVII в. печной изразец уже около полувека производили и использовали в массовом порядке, обеспечив тем самым возможность расширенного применения изразцовых изделий и на фасадах. В это время московские печники перешли к широкому использованию новых видов изразцов — полихромных эмалевых — ценинных. Это не означало, что муравленные печи перестали класть или что они ушли из городского быта. Однако многоцветные теперь явно доминировали, несмотря на значительную разницу в цене — что не может не расцениваться как свидетельство изменения моды и в то же время роста благосостояния горожан, их стремления достичь нового уровня комфорта.

Ценинные печи, как и всякая новинка, впервые появились в царских покоях и дворцах, таких как Коломенский (годы строительства 1667–1682). Мастера Гончарной слободы поставляли изразцы для царского окружения, формируя через заказчиков вкус ко всё нараставшей репрезентативности. Переход к массовому производству и стандартизация печных наборов связаны и с известным стремлением подражать статусным предметам. В результате можно утверждать, что по изразцам Коломенского дворца можно уверенно судить о ситуации на рынке производства изразцов в годы его строительства. Его печи не представляют собой ничего уникального и принадлежат к широко распространенной разновидности печных наборов, состоящих из «типовых» орнаментов стешных изразцов и вспомогательной группы.

При всей престижности и статусности изразцов право на их использование не было сословной привилегией. Доступ к заказу парадной печи или даже изразцовой облицовки храма не ограничивался царским и митрополичьим двором, их открыто и свободно использовали горожане, жившие на посаде, – ремесленники, торговцы, военные. В известном смысле можно утверждать, что тяга к изразцам, их производство и использование стали одной из тех зон, в которых формировался и формализовался, находя зримое, вполне материально осязаемое воплощение, тот единый вкус, то ощущение радости от причастности к общей жизни, которое иначе именуется «национальным характером».

Глава 3. Московский изразец и пространство городской культуры

3.1. Организация производства изразцов в Москве

Москва – единственный древнерусский город, где в XVII в. встречается упоминание о мастерах-изразечниках (ценинниках). Это объясняется интенсивным развитием средневековой столицы как центра ремесленного производства и постепенным ростом его масштабов, обеспеченных особенно крупными (иногда действительно уникальными) заказами.

При раскопках во всех древнейших частях Москвы находят поливную керамику. Возможно, самое раннее производство находилось в районе Кремля; это подтверждается результатами археологических раскопок. Однако главным местом производства изразцов в Москве оставалась Гончарная слобода в Заяузье. По мнению московских археологов, уже во второй половине XV в. там сложилось постоянно развивавшееся керамическое производство.

Первое массовое производство было связано с изготовлением красных изразцов. Изразцы делали в деревянных формах, иногда рельеф создавали с помощью специальных керамических штампов или полных керамических форм.

При изготовлении первых массовых поливных – муравленых – изразцов использовалась зеленая глазурь. Переход к массовому производству муравленых изразцов, видимо, начался не ранее конца 1630-х гг., т. е. времени появления ранних памятников с изразцовым декором. На первых порах растущему усиленными темпами городу явно не хватало своих местных гончаров. Не случайно царскими грамотами 1630 и 1631 гг. мастеров собирали из Перми и Чердыни, с Белоозера и других мест. Весьма вероятно, что одним из звеньев этого процесса были попытки технически усовершенствовать производство

или хотя бы привлечь для исполнения ответственных заказов иноземцев.

Определяющим для развития производства цепинных изразцов стал перевод в Москву в 1666 г. мастеров из Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. Дворцовое ремесло находилось в ведении специальных учреждений, обслуживавших нужды царского двора. Прибывших мастеров-изразечников поселили в Гончарной слободе, где, судя по переписной книге 1638 г., уже были дворы государевых мастеров. Это был привилегированный круг столичных ремесленников, обеспеченных царскими заказами.

Между 1670 и 1671 гг. в Москве возникает Мещанская слобода, вскоре ставшая одним из центров производства изразцов. Документы свидетельствуют о массовом переводе (переходе) в нее мастеров из других (в большинстве случаев из Гончарной) слобод.

До сих пор неизвестны многие технические детали процесса изготовления изразцов, набор инструментов, используемый мастерами, необходимые профессиональные навыки. Средневековый мастер был универсалом – художником и технологом в одном лице. Видимо, только он мог готовить краски и проводить обжиг изделий в горнах, только опыт мастера давал возможность определить степень их готовности.

Производство изразцов являлось специализированным видом ремесла (с разделением труда, традицией ученичества, передачей «дела» по наследству). Наиболее востребованными в производстве изразцов, в том числе и архитектурных, были дворцовые мастера. Объем московского производства изразцов определяло сформировавшееся к этому времени региональное «разделение труда» гончаров. Факты поставки в столицу изразцов, предназначавшихся для фасадного убранства, неизвестны. На декор церкви у московских мастеров заказывали тысячи крупных керамических архитектурных элементов, поэтому заказ обходился в целое состояние, в сотни рублей.

Современники прекрасно сознавали стоимость изразцового декора. Московские сооружения с ярким, сверкающим цепинным нарядом, построенные на средства царя, крупных вотчинников или знатных посадских, прославляли своих именитых заказчиков, зримо демонстрируя их статус.

3.2. Исполнитель и заказчик. Типология заказа.

Рассматривая роль заказчика в создании изразцового декора, невозможно пройти мимо фигуры патриарха Никона. Деятельность

этого человека, в полном масштабе открывшего и оценившего возможности керамики, привлечшего к ее созданию западнорусских мастеров, вышла за рамки простого «заказа». Особая роль патриарха как заказчика дала невиданный толчок для дальнейшего развития архитектурной керамики; именно Никон остановился на изразцах как одном из главных элементов убранства Воскресенского собора и Скита Ново-Иерусалимского монастыря.

Известно, что средневековая архитектурная деятельность опиралась чаще на показ и рассказ об особенностях постройки, нежели на обсуждение проектов и чертежей, как правило, отсутствующих на практике. Это позволяло заказчику внедряться в ход строительного процесса и активно воздействовать на формирование образа будущей постройки. Интерес «заказчика» к новым декоративным возможностям, которые принесли с собой ценные изразцы, проявился в их широком использовании в постройках Москвы, имевших важное политическое и градостроительное значение, в первую очередь в заказах Романовых. Сооружения с изразцовым убранством вошли в обширную московскую строительную программу царя Алексея Михайловича; большим интересом к изразцовому убранству было отмечено строительство и в правление Федора Алексеевича. Одним из первых примеров репрезентативного строительства по его заказу была перестройка кремлевских зданий, в первую очередь дворцовых, в том числе церквей и самого Теремного дворца, украсившихся изразцами.

Первые памятники с изразцовым декором вызвали волну подражаний в ближайшем окружении, а кремлевские изразцовые декорации лишь усилили ее. Следом за монархами шел второй круг лиц, представлявших не только царские, но и свои собственные интересы. Это были, как правило, близкие ко двору люди, выдвинувшиеся со времени воцарения новой династии, возвышение которых получает заметное отражение и в строительстве храмов. Они были известны как образованнейшие люди своего времени, сторонники европейских преобразований, владельцы больших книжных собраний, прежде всего книг по искусству и архитектуре. Такие книги хранились и в библиотеках возглавляемых ими ведомств — Посольского приказа, Оружейной палаты, Приказа каменных дел, Печатного двора.

Украшение построек в монастырях и церковных резиденциях изразцами было связано с патриаршими и монастырскими заказами. Выдающийся изразцовый декор, поражающий безудержной пышностью даже для времени его расцвета, получило митрополичье подворье в Крутицах.

Во второй половине XVII в. вырастает и активность приходского каменного строительства, не уступающая по объемам государственному и монастырскому. Новшества, появившиеся в дворцовой архитектуре, ставшей эталоном, переходили в зодчество посада. Такова история украшения изразцами церквей Заяузья, где находилась Гончарная слобода — место производства изразцов.

На рубеже XVII–XVIII вв. стилевые тенденции в архитектуре стали вытеснять с фасадов яркое изразцовое убранство, которое перестало быть актуальным для государственных и частных программ строительства. Заказы на фасадные изразцы стали редкостью, с начала XVIII в. отмечается значительный спад производства.

Документы лишь отчасти позволяют представить ход работы древнерусских мастеров и понять, как создавались изразцовые композиции, как это было связано с общим архитектурным замыслом, как решалось соотношение размеров изразцовых деталей и других элементов декора здания.

Очевидно, что процесс изготовления архитектурно-декоративных изразцов и их использование в XVII в. сформировались в отработанную форму отношений исполнителя и заказчика. Люди, профессионально представлявшие интересы главного заказчика, связывали заказчика с исполнителем работ и составляли квалифицированные «заказы» мастерам-изразечникам. Творцом идеи был архитектор-зодчий, «подмастерье каменных дел». Он мог представить и примерный объем работ, подсчитать стоимость, обсудив это с заказчиком, а главное — осуществить этот замысел, как и всё остальное, на практике.

Какова бы ни была роль заказчика и степень его личного участия в строительстве, зодчий в итоге нес полную ответственность за воплощение его воли. Вопрос о том, какая керамика и в какой форме будет использоваться, обсуждался до начала строительства, в ходе которого зодчий должен иметь набор изготовленных заранее необходимых деталей. Решение о покупке изразцов для убранства здания принимал тот, для кого оно строилось, кто оплачивал эти немалые расходы, т. е. заказчик либо представлявшее его интересы лицо, следуя рекомендациям зодчего, например, в выборе мастеров. Изготовление крупных фасадных изразцовых композиций требовало особых условий и редкого умения, поэтому в первую очередь это был круг государевых мастеров. Они и были создателями изразцового убранства для храмов, строившихся по повелению царя и его ближайшего окружения, для крупных монастырей и казенных гражданских построек.

Выполнив один заказ, мастера заключали новый подряд с другим заказчиком-зодчим, зачастую используя старые формы. Этим

обстоятельством, видимо, и объясняется то, что в разных зданиях встречаются однотипные и даже совпадающие детали.

Во второй половине XVII в. очевидный интерес государственной власти, как одного из основных заказчиков, к новым декоративным возможностям, которые давало использование ценных изразцов, определил их широкое применение в зданиях, имевших важное идеологическое, политико-репрезентативное и градостроительное значение. Государственная, элитарная составляющая в таком декоре определила ограниченное расширение круга заказчиков фасадных изразцовых декораций, в который входили представители верхушки русского общества. Однако за ними следовали уже и жители слобод (в первую очередь Гончарной и Мещанской) – объединяя средства и возможности, они стремились украсить свой храм не хуже, чем царственные заказчики.

3.3. Инновации и их источники.

Со второй половины XVII в. изразец (как печной, так и фасадный) стал одним из самых ярких элементов в русском народном искусстве, не менее характерным, чем лубок для эпохи XVIII–XIX вв. Русскую «кафлю» не спутаешь (кроме редких и особых случаев) ни с западноевропейской майоликой, ни с ее дериватами, распространенными в странах Центральной Европы; ни тем более с поливным кирпичом и декоративными панно Востока. В то же время и на ранней стадии, и в дальнейшем достаточно известны многочисленные случаи не только прямых заимствований технологий, сюжетов или композиций изразцов, но и приглашения самих европейских мастеров. Причем заимствования эти представляются определяющими в становлении русского изразца.

Москва с уже сложившимся гончарным и кирпичным производством, с большим технологическим опытом местных гончаров, занятых в производстве бытовой керамики, была одним из центров (наряду с Псковом, Новгородом, возможно, пограничным Смоленском и им подобными городами), где шла апробация новых технологий, форм и т. д. в области изразцового дела.

Первым и самым ярким, самым активным местным московским эпизодом массового производства бесспорно являются красные изразцы. Появление такой конструкции в Москве, где она до этого, видимо, не существовала, свидетельствует о переносе готовой отопительной системы: печи с облицовкой конкретного типа, затем ее апробации и адаптации к местным условиям. Отсюда ярко выраженная внезапность и даже массовость распространения печного изразца,

связанного с обращением к архитектуре западноевропейских печей, к рамочным терракотовым изразцам, перемычкам и т. д. Во всей своей многочисленности и многообразии эти изделия свидетельствуют о прямой связи с западноевропейским художественным ареалом.

Особенно ярко воздействие новых материалов, поступивших в распоряжение знати благодаря усилиям патриарха Никона, выразилось во второй половине XVII в., когда многоцветные изразцы появились в Московской Руси. Какие процессы лежат в основе становления национальных типов изразца?

Как представляется, ответ на вопрос о выработке своеобразного «русского ответа» на европейский стилизованный вызов лежит не в русле технологического процесса и не в сфере заимствования мотивов и технологий (и то и другое, безусловно, имело место), а в области изучения местных механизмов усвоения и переработки отдельных импульсов, получаемых по наследству или из других культур.

Изучение орнаментальных мотивов и иконографии русских изразцов позволяет выявить самый широкий круг аналогов как среди западноевропейской керамики, так и в книжной графике, в том числе в эмблематических сборниках.

Трансформацию тех или иных импульсов при их попадании на русскую почву можно рассмотреть на примере Коломенского дворца, в убранстве интерьеров которого использовались муравленные и многоцветные печи. Изразцы, обнаруженные при археологических раскопках, позволяют выявить несколько групп печных наборов: из наиболее ранних зеленых рамочных изразцов; из муравленных и полихромных, так называемых ковровых, отличительной чертой которых является отсутствие оконтуривающей рамки по краю лицевой пластины с орнаментальным рельефом законченного характера; из изразцов, в центре лицевой пластины которых изображение различных вариантов: цветка, вазона, птицы, заключенных в сложную фигурную рамку, которая соединяется с соседней элементами в виде вазона или цветка; из изразцов, которые являются фрагментами крупных раппортных композиций. Последние две группы особенно свидетельствуют о руке бывших «патриарших» мастеров и их учеников, демонстрируя развитие орнаментики, связанной с «высоким стилем» фасадных изделий. Это говорит о том, что новации, принесенные в область архитектурной керамики в «никоновский» период, были усвоены московскими мастерами, которые поставили их производство на поток.

Изразцы Коломенского дворца, как и большинство московских изделий, «уводят» нас значительно западнее городов, откуда происходят мастера ценинного дела. В середине XVII в. восточные области современной Белоруссии входили в состав литовской части

Речи Посполитой. Наметившийся еще в эпоху становления Великого княжества Литовского процесс усвоения западными русскими землями европейских художественных тенденций совпал по времени с периодом становления в ряде заальпийских стран (прежде всего в Германии, Чехии и Польше) печного изразца как новой формы архитектурно-декоративной керамики. В этот культурный процесс почти сразу были органично включены (напомним о схожести климатических условий) практически все восточноевропейские территории. Об этом свидетельствует возникшая примерно в XV в. синхронность в развитии стадияльно однородных явлений в западно- и восточноевропейском изразце, а также сведения о контактах восточноевропейских мастеров, например, с немецкими. Мастера, приехавшие из польско-литовских земель, безусловно, были носителями европейской традиции, прошли европейскую выучку. Отсюда общность мотивов и орнаментов западноевропейских и польско-литовских (белорусских) изразцов, а затем и русских изделий, проявившаяся не только в выборе сюжетов, но зачастую и в детальном сходстве элементов.

Заметим, что в Московии, где заимствование творческого опыта проходило в санкционированных доминирующими чертами культуры формах, традиция претерпевала значительные изменения. Можно говорить о достаточно строгом отборе, в ходе которого были отклонены популярные европейские варианты, например ренессансные портретные и гербовые изразцы. Подражание сопровождалось полным неприятием некоторых из них. Среди московских печных изразцов никогда не встречаются широко распространенные в Европе изразцы с «иконами». Трудно представить на древнерусской печке столь привычный, например для Германии, изразец с Распятием или Богоматерью. В свою очередь, столь любимые на Западе изразцы с воинскими сценами, фантастическими животными (грифонами и т. д.), скачущими всадниками, еще недавно составлявшие калейдоскоп и русских печных терракотовых изразцов, уже не были востребованы московскими заказчиками. Видимо, они показались им устаревшими. В пластических свойствах русских изразцов, за редким исключением, не прижилась и горельефность европейских изделий, выражавшаяся в предпочтении объемных характеристик. В развитии русских изразцов устанавливаются собственные традиции, и, несмотря на западноевропейское влияние, в итоге ведущую роль играют именно они.

Выбор был продиктован свойствами национального художественного сознания. Поэтому заказчики и мастера выбрали главным образом орнаментальный декор, усиливший живописно-декоративное начало как на многоцветных, так и на муравленых

зеленых изразцах. Главной задачей становится создание красочного и богатого оформления лицевой пластины изразца, в поле которого могли свободно сочетаться освоенные западные и почерпнутые из собственной традиции элементы.

Механизм усвоения новаций в русской культуре на излете Средневековья, так ярко проявившийся в феномене русского изразца, подтверждает, что русские заказчики и мастера были ориентированы именно на культуру современной им Европы.

3.4. Изразец как коммуникативная система: темы и сюжеты в городской культуре.

Для жителей Москвы изразцовый фасад был важнейшим источником доступной визуальной информации, одним из главных орнаментальных модераторов, формировавшим общее отношение к городской среде. Важная роль изразца в системе знаков средневекового города явственнее всего проявляется на примере фасадных декораций «золотого» века московского изразца. Весь массив московского материала можно разделить на несколько тематических групп.

Первая группа – самая ранняя и редкая в московской фасадной керамике XVII в. Она включает муравленные изразцы с одно-, двух- и многофигурными (крупнофигурными и мелкофигурными) сценами, восходящими к красным изразцам. Изразцы этой серии представляют собой законченные сюжеты, иллюстрирующие популярные литературные произведения того времени.

Вторая группа представлена изразцами с анималистическими изображениями, среди которых реально существующие животные и представители сказочного бестиария, включая мифических и антропоморфных существ. Особый подраздел второй группы образуют муравленные и многочисленные цепинные изразцы с изображением птиц. Выбор птиц в качестве главного зооморфного персонажа для изображения, в том числе и на фасадных изразцах, связан с его наибольшей повторяемостью в богатейшем древнерусском бестиарии и давней традицией использования.

Третья группа – изразцы с геометрическим и/или чаще растительным орнаментом – во многом определяла декоративность композиций. Изделия с чисто геометрическим орнаментом встречаются довольно редко. Среди них изразцы в виде прямоугольников с диагональной раскраской и шары с секторальной раскраской XVI–XVII вв., поливные кирпичи и изразцы с мотивом косых полос и ордерной орнаментики. Более характерно сочетание

геометрического и растительного орнамента на одном изделии. Широкое распространение в изразцовом убранстве Москвы получили изразцы с изображением цветка-розетки, размеры и монументальность рисунка которых, безусловно, были рассчитаны для облицовки зданий. Четырехсторонняя симметричность рисунка (отсутствие «верха», «низа» и «боков») или рамка позволяли ставить изразцы (особенно при единичном их использовании) на любую из сторон или на любой из углов. Чрезвычайная вариативность этих изделий достигалась с помощью изменения цветов.

Одной из самых распространенных на московских изразцах была разновидность орнамента, связанная с мотивами декоративных ваз с вплетающимися в их формы растениями и стоящими в них букетами цветов. Эти изображения украшают лицевые пластины небольших «стенных» изразцов, представляя и замкнутые – в картушах и рамках по краям – и ковровые композиции, которые были основной частью печного набора, и крупные раппорты.

Традиция включения и толкования религиозных мотивов в фасадном декоре получила в Москве воплощение в виде керамических икон и изразцов с христианской символикой, составляющих *четвертую и пятую* группу. Особое место в декоре храмов занимала композиция из четырех керамических икон с изображением евангелистов, размещавшаяся на гранях восьмерика храмов на месте оконных проемов. Четыре фигуры евангелистов, представляющие собой законченную композицию, не имеют аналогов в древнерусских керамических изделиях.

Отдельную группу составляют изразцы с мотивами, включающими прямые ветхозаветные и евангельские ассоциации (херувимы, голгофский крест, Вифлеемская звезда).

Шестую группу московских фасадных изразцов XVII в. составляют изразцы с *геральдическими мотивами* – изображением двуглавого орла, которые из бытовой, массовой сферы были выведены в область государственной символики. В это столетие герб Российского государства в образе царственного геральдического «орла» продолжает утверждаться в массовом сознании всеми доступными средствами. К этому времени это изображение на изразцах уже было представлено в «сюжетном калейдоскопе» первых печных терракотовых изразцов конца XVI – первой половины XVII в. География бытования подобных изразцов носила всероссийский характер и свидетельствовала о повсеместности распространения этого изображения, которое вовсе не являлось привилегией столичных мастеров.

Значительно реже геральдические орлы встречаются на печных муравленых и ценинных изразцах, о чем свидетельствуют музейные

собрания и сохранившиеся описания. Избирательное использование гербовых орлов в печных изразцах при одновременном, но кратковременном появлении на фасадах вплоть до 1690-х гг., может означать, что с утверждением царствующей династии эти изображения стали если не монополизироваться, то регламентироваться властью.

Седьмую группу в керамическом декоре Москвы занимают *керамические надписи*. Мемориальные посвяtitельные (строительные) «летописи» на внешних стенах и в интерьере храма представляют особый интерес: они обычно тесно связаны с группой заказчиков высокого статуса и, кроме того, демонстрируют устойчивость византийской традиции оформления храмов. К моменту появления в Москве керамических летописей традиция помещать в церквях храмозданные надписи уже сложилась.

Отбор изобразительных мотивов в изразцовом декоре (новые сюжеты, иконографические изводы) проходил как по линии содержательности изображения, так и по линии декоративной составляющей. Если декор, представленный орнаментальными изразцами, воспринимался молящимися суммарно, в качестве фона, то ряд изразцовых деталей – керамические иконы, надписи, гербовые орлы – играли в нем важную смысловую роль. Эти мотивы изразцовых декораций носили программный характер, подтверждая и раскрывая государственную сущность общественных сооружений и сакральность церковных зданий. И хотя в православной традиции экстерьерный декор не вовлекался в процесс богослужения, он воспринимался как неотъемлемая часть символики убранства храма.

Глава 4. Московский изразец в пространстве России.

4.1. Пути и формы миграции.

Изучение русского изразца позднего Средневековья свидетельствует о некотором единообразии изделий на весьма обширной территории Московской Руси. В какой-то момент это привело и к нивелированию самобытности развитых ранее школ (например, псковской, сформировавшейся еще в XIV в.) и унификации продукции на всей территории России.

Вопрос о центрах производства первых терракотовых изразцов решается исследователями по-разному. Вероятно, создатели нового приема декорации фасадов с использованием рельефной керамики, в которой проявились классические орнаментальные мотивы, связаны с Москвой и пребыванием итальянских строителей на службе у Московских великих князей. Предлагавшийся иной культурный

вектор, через Литву и далее на Русский Север, а оттуда в Москву – не поддерживается имеющимся материалом.

Трудно также предположить другой, кроме Москвы, источник поставок технологий в массовом появлении на всем пространстве Московской Руси красных и муравленых изразцов, мощно вошедших в древнерусский быт и архитектуру. Наиболее ярко это проявилось с наступлением царства многоцветных изразцов во второй половине XVII в. Именно с появлением мощного производства изразцов в Москве их миграция приобрела массивный характер в разных направлениях.

Наиболее распространенной формой такой миграции была поставка готовой продукции. Это объяснялось тем, что производство на новом месте нуждалось в создании всего комплекса оборудования для гончарного дела, требующего стационарных установок. Другим способом миграции изразцов был перенос форм (матриц) для «ценинного дела», чему способствовала легкодоступная транспортировка деревянных форм в местные мастерские.

Способы изразцовой «миграции» включали в себя также переезды казенных мастеров из Москвы, например, для организации на каком-либо строительстве изразцового производства, для обучения местных мастеров, а чаще всего – для изготовления большой партии изделий. Зачастую московские мастера везли с собой и изразцовые формы. В столице, в свою очередь, работали киевляне и галичане, суздальцы и нижегородцы, костромичи и ярославцы, осваивавшие приемы московских мастеров-ценинников.

Типологические сравнения при отсутствии документальных свидетельств о происхождении изделий – один из важных способов выявления генезиса технологий, орнаментов и архитектурного использования местных изразцовых групп. На сопоставлении с московскими прототипами может быть основана гипотеза о московском происхождении изразцов Вяжицкого монастыря, памятников Углича, Устюга, Сольвычегодска и многих других городов. В пользу московского производства говорят изразцы, встречающиеся на многих памятниках Ярославля.

В этом случае систематизация московских изразцов станет непременным условием, позволяющим сопоставить и выявить места производства изделий, которые находятся на памятниках, расположенных в самых разных частях России. А знакомые по Москве сюжеты и орнаменты, которые встречаются даже в самых отдаленных уголках России, позволяют вновь определить русские изразцы XVII в. как явление московской культуры.

4.2. Региональные версии изразцового производства.

Хотя миграция московских изразцов носила массовый характер, зачастую изразцы производили на местах, возможно, с самого раннего периода их появления. При ближайшем рассмотрении самих изразцов мы сталкиваемся практически в каждом городе с собственной, иногда незначительно, но отличающейся от московской, версией создания композиций и приемов оформления.

Вероятнее всего, в XVII, а часто и в XVIII в. изразцовое дело было художественным разделом кирпичного и гончарного производства. В местных мастерских одновременно существовали территориально не разделенные два производства: по изготовлению посуды или кирпича и по изготовлению изразцов.

Главным источником для выявления особенностей местного производства становится сам изразец. В этой связи в процессе диссертационного исследования были изучены местные изразцы, как сохранившиеся на зданиях, так и хранящиеся в собраниях местных музеев. Для широты картины к обзору были привлечены памятники городов, входивших в состав Московской Руси, где были зафиксированы подобные объекты.

Масштабы применения изразцов оказались различны – от точечных до повсеместных. В Муроме, Переславле-Залесском и Александровской слободе; Великом Устюге и Великом Новгороде; на Урале и в Сибири; на Соловках, в Казани и Свияжске и, конечно, в Ярославле существовало местное изразцовое производство.

Обзор изразцового убранства ярославских храмов показывает, что формирование новой декоративной системы в Ярославле хотя и заняло несколько десятилетий, но было весьма бурным. Местные мастера демонстрировали собственное видение места изразца в убранстве здания и придерживались последовательной линии в отборе тех или иных приемов и изделий. Можно сказать, что храмы с изразцовым декором собрали все памятники города XVII в. в единый художественный ансамбль. Главную роль в этом сыграли, однако, не типы или орнаменты изразцов и даже не их массивное применение, а система приемов декорирования. Многочисленные примеры сходства этих приемов, использовавшихся при украшении памятников города, свидетельствуют и о заимствованиях, и об авторстве одного зодчего. При этом зодчие используют малое число типов керамических элементов в самых разнообразных их сочетаниях, развивая приемы вариантного применения одних и тех же деталей и в различных сооружениях, и в их частях.

Итак, мы наблюдаем картину развития, приводящую к сложению региональных производственных школ. Некоторые из них (Великий Устюг) возникли непосредственно под влиянием Москвы. Другие имели самостоятельные корни (Великий Новгород, Псков), но испытали сильнейшее московское воздействие. «Собственные» региональные версии в провинции обычно несут очевидный отпечаток московской традиции и сохраняют его вплоть до середины XVIII в., когда в центре страны изразец с фасадов зданий исчез.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Строительная керамика – один из самых ярких материальных носителей признаков культуры. В ней неразрывно связаны традиции и инновации; она, демонстрируя свою принадлежность к тому или иному культурному кругу, играет роль «визуального кода» цивилизации. Обилие и устойчивое применение изразцов в Московской Руси может по праву считаться одной из отличительных особенностей русской культуры.

Изразец – самостоятельное и многогранное явление городской жизни, которое следует рассматривать наряду с важнейшими элементами контекста истории культуры, давно осознанными (производственный, стилевой) или только появляющимися в науке: как источник изучения массовой коммуникации горожан, как носитель визуальной и текстовой информации, как элемент в системе просвещения и дидактики. Сквозь призму изразца оказалось возможным увидеть «культуру заимствования», наблюдать местный механизм усвоения и дальнейшего развития культурных новшеств, работу понятий «свое» и «чужое» в области материальной культуры. В значительной степени новым стало исследование роли печного изразца в бытовой, внутрисемейной жизни, наблюдаемой на самых разных уровнях социальной лестницы, от царских дворцов до дворов горожан.

В диссертационном исследовании решается ряд проблем музееведения и реставрации, а также источниковедческих задач. Определена степень подлинности изразцового декора многих памятников Москвы, уточнена его датировка путем сужения хронологических рамок и выделения хроно-видовых групп. Реконструированы отношения производства, рассмотрена социальная структура заказа, выявлена роль заказчика и исполнителя в ходе работы. Определена степень влияния заказчика и его предпочтения, объекты связаны с группами мастеров и с заказчиками.

Исследование позволило рассмотреть историю московского изразца как ряд попыток освоить и применить к местной жизни важные тенденции западноевропейской культуры. Обязательными ступенями такого усвоения стали овладение основами технологии, получение некоторых видов нового для Москвы сырья, необходимый

уровень организации ремесленного производства. Важным условием была и готовность к частичному принятию культурного кода горожан Западной Европы.

Изразец можно рассматривать как наглядный показатель развития российской культуры XV–XVII вв., он становится объединяющим элементом новой бытовой и визуальной культуры, одним из тех истинно общенародных элементов, которые получают развитие уже не только в среде элиты и не только в церковной среде, но и в общем культурном пространстве.

По изразцам самые широкие слои городского населения постепенно знакомились с общим, привычным для Европы языком символики и классическим репертуаром орнамента. Заказчики такой облицовки не упускали случая высказаться и на языке геральдики, все активнее пользовались средствами эпиграфики. Уже в первых памятниках с использованием поливных изразцов заметно стремление максимально выделить фасады зданий, сконцентрировать на них внимание, превратить их в многоцветные ковры и даже в изобразительные «плакаты». В Москве XVII в. полихромные изразцы применяли во множестве сочетаний, однако в подходе к оформлению здания выделялись сравнительно устойчивые приемы и повторяющиеся детали, что обеспечивало известное единство решений. Тематика изображений выражает эстетические потребности москвичей того времени.

Самостоятельная московская школа ценинного дела существовала лишь несколько десятилетий второй половины XVII в. Но она вполне выразила себя и помогла выразиться культурным запросам москвичей. Ее отличает внешнее своеобразие, присущее всякому оригинальному явлению, и, главное, те качества, которые эти отличия породили. Был обретен собственный, особый строй, городской стиль московского изразца.

Очевидно, что памятники московского изразцового производства — одна из ценнейших составляющих национального наследия. Русский (московский) изразец стал достоянием науки и искусства и ближайшая задача истории культуры обеспечить его существование в будущем.

Этого можно достичь, в первую очередь, сознательным обращением к музейному изучению и пропаганде изразцового

искусства позднего Средневековья, вплоть до создания особых музеев, посвященных русскому изразцу.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации
Книги:

1. Москва изразцовая / С. И. Баранова. – М.: Москвоведение; Московские учебники, 2006. – 400 с. (25 п. л.).
2. Русский изразец: записки музейного хранителя / С.И. Баранова; Правительство Москвы, Моск. гос. объедин. худож. ист.-арх. и природно-ландшафтный музей-заповедник (Коломенское-Измайлово-Лефортово-Люблино). – М.: МГОМЗ, 2011. – 429 с. (54 п. л.).
3. Изразцовая летопись Москвы. – М.: Русский импульс, 2012. – 231 с. (29 п. л.).
4. Московский архитектурный изразец XVII века в собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника Коломенское-Измайлово-Лефортово-Люблино. – М.: МГОМЗ, 2013. – 136 с. (17 п. л.).
5. Изразец в позднесредневековой Москве: конец XV–XVII век. М.: РГГУ, 2013. – 271 с. (30 п. л.).

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Греющие красотой // Родина. Российский исторический журнал. – 1993. – № 10. – С. 78–80 (0,4 а. л.).
2. Рукодельных хитростей изрядные изыскатели // Родина. Российский исторический журнал. – 1994. – № 1. – С. 114–116 (0,4 а. л.).
3. Изразцовое действо // Родина. Российский исторический журнал. – 1994. – № 2. – С. 77–79 (0,3 а. л.).
4. К вопросу о подлинности изразцового декора памятников архитектуры Москвы 17 в. // Архитектурное наследство. – М., 2007. – Вып. 48. – С.106–117 (1 а. л.).
5. Проект Музея изразца в Измайлово // Вестник РГГУ. – М., 2009. – Вып. 15. – С. 311–315 (0,2 а. л.).
6. Надгробница XVII в. из церкви в Коровниках (г. Ярославль) // Российская археология. – 2008. – № 4. – С. 133–136 (0,3 а. л.).
7. Черепица в монашеском погребении Сретенского монастыря в Москве // Российская археология. – 2010. – № 1. – С. 140–142 (0,3 а. л.).
8. К вопросу о копиях в изразцовом декоре памятников архитектуры Москвы XVII века // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПУ. – 2010. – № 1. – С. 48–56 (0,4 а. л.).

9. К вопросу о заказчиках и зодчих изразцового декора московских построек в конце XVII века // Вестник РГГУ. – М., 2010. – № 15 (58). – С. 261–269 (0,5 а. л.).

10. «А пожаловал их государь для подносу образцовых кафель». Изразцы из Коломенского дворца царя Алексея Михайловича // Родина. – 2011. – № 3. – С. 105–108 (0,3 а. л.).

11. «Изыскал фарфоровые массы» // Родина. – 2011. – № 11. – С. 93–94 (0,2 а. л.).

12. Керамические «надписи» в декоре московских храмов XVII в. // Российская археология. – 2011. – № 2. – С. 81–87 (0,75 а. л.).

13. Изразцовый декор церкви архидиакона Стефана в Заяузье // Архитектурное наследство. – М., 2011. – Вып. 54. – С. 102–121 (1 а. л.).

14. Архитектор Ф.Ф. Рихтер – первый исследователь русского изразца // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – М., 2011. – Вып. 2 (5). – С. 163–179 (1 а. л.).

15. «Чем больше строишь, тем больше хочется строить...» // Родина. – 2011. – № 8. – С. 154–157 (0,3 а. л.).

16. Керамическая надпись из ротонды Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря // Вестник РГГУ. – М., 2011. – Вып. 12. – С. 195–208 (0,7 а. л.).

17. О заказчиках изразцового декора церквей в Заяузье XVII в. // Вестник РГГУ. – М., 2012. – Вып. 6 (86). – С. 145–166 (1,4 а. л.).

18. Основные подходы к изучению московских изразцов // Вестник РГГУ. – М., 2012. – Вып. 11 (91). – С. 242–249 (0,4 а. л.).

19. Ярославские изразцы. Методы изучения // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. – Ярославль, 2012. – Вып. 2. – С. 37–41 (0,5 а. л.).

20. Изразцовый декор памятников архитектуры Великого Устюга / С. И. Баранова, Ю. Ю. Лисенкова // Архитектурное наследство. – М., 2012. – Вып. 56. – С. 77–94 (1 а. л.).

21. Источники инноваций в Московское изразцовое искусство XVII века // Вестник РГГУ. – М., 2013. – Вып. 7. – С. 200–207 (0,4 а. л.).

22. Московский изразец XVII века в пространстве России // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – №1 (57). – С. 98–106 (0,65 а. л.).

23. Реконструкция изразцовых печей Коломенского дворца. Степень достоверности // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – М., 2014. – С. 56–72 (1,1 а. л.).

24. Московский изразец XVII века: от Белого моря до Поволжья и Сибири // Архитектурное наследство. – М., СПб., 2014. – С. 43–59 (1,3 а. л.).

Основные статьи и материалы научных конференций:

1. Зооморфные изображения на изразцах из коллекции музея «Коломенское». Образ грифона // Коломенское. Материалы и исследования. – М., 1992. – Вып. 3. – С. 98–112 (0,5 а. л.).

2. История комплектования коллекции изразцов музея «Коломенское» // Коломенское. Материалы и исследования. – М., 1993. – Вып. 5, ч. 1. – С. 104–119 (1,0 а. л.).

3. Кирпич старой Москвы // Московский архив: Историко-краеведческий альманах / Московское городское объединение архивов. – М., 1996. – Вып. 1. – С. 59–75 (1,0 а. л.).

4. История одной челобитной // Наше наследие. – 1997. – № 43–44. – С. 31–37 (1,0 а. л.).

5. Подмосковная Атлантида // Наше наследие. – 1997. – № 43–44. – С. 22–29 (0,7 а. л.).

6. К вопросу о датировке Водовзводной башни в Коломенском // Культура средневековой Москвы. XVII век. / Ин-т археологии Рос. акад. наук. – М.: Наука, 1999. – С. 226–232 (0,4 а. л.).

7. К истории создания изразцового декора церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. – М., 2000. – Ч. 3. – С. 205–213. – (Труды / Музей истории города Москвы; вып. 10) (0,5 а. л.).

8. К вопросу о московских аналогиях в изразцовом декоре ярославских церквей // V научные чтения памяти И. П. Болотцевой (1944–1995): Сб. статей. – Ярославль, 2001. – С. 99–109 (0,5 а. л.).

9. «Разсадник изразцового дела в России» (к вопросу о новоиерусалимских аналогиях в изразцовом декоре Москвы 2-й половины XVII века) // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим»: Сб. ст. / М-во культуры Моск. обл., Ист.-архитектур. и худож. музей «Новый Иерусалим». – М.: Сев. паломник, 2002. – С. 225–234 (0,5 а. л.).

10. Керамическая надпись из ротонды Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим»: Сб. ст. / М-во культуры Моск. обл., Ист.-архитектур. и худож. музей «Новый Иерусалим». – М.: Сев. паломник, 2002. – С. 133–139 (0,5 а. л.).

11. Примерная программа дисциплины «Основные направления и формы музейной деятельности» федерального компонента цикла общепрофессиональных дисциплин ГОС ВПО второго поколения по специальности 021000 «Музеология» / авт.-сост.: С. И. Баранова, Т. П. Поляков, Л. Я. Ноль, В. М. Ковригина // Музеология: специальность 021000: гос. образовательный стандарт высш. проф. образования и примерные программы дисциплин федер. компонента: (циклы общепроф. дисциплин и дисциплин специальности) / М-во

образования Рос. Федерации, Рос. гос. гуманитарный ун-т, Учеб.-метод. об-ние вузов Рос. Федерации по образованию в обл. ист.-архивоведения. – М.: РГТУ, 2002. – С. 325–339 (0,1 а. л.).

12. Керамическая «летопись» колокольни храма Святых Адриана и Наталии (Святых Апостолов Петра и Павла) в Москве // Искусство христианского мира. – М., 2003. – Вып. 7. – С. 221–233 (1,0 а. л.).

13. Гერальдические орлы в московской фасадной керамике XVII в. – элемент декора и эмблема государства // Искусство христианского мира. – М., 2004. – Вып. 8. – С. 260–270 (0,8 а. л.).

14. Клейма на керамических облицовочных изделиях XIX – нач. XX веков / С. И. Баранова, М. Ю. Горячева // Коломенское. Материалы и исследования. – М., 2004. – Вып. 8. – С. 96–111 (0,5 а. л.).

15. Петр Великий и Москва: Каталог выставки. – М., 1998. – С. 47, С. 110, С. 129–130 (0,1 а. л.).

16. Золотой век московской архитектурной керамики // Стиль московского изразца. – М., 2005. – Без страниц (0,4 а. л.).

17. Проблемы изучения изразцового декора памятников архитектуры Москвы XVII в. // Ростовский Архирейский дом и русская художественная культура второй половины XVII века (материалы конференции 21–23 сентября 2005 г.). – Ростов, 2006. – С. 60–71 (0,4 а. л.).

18. Миграция московских изразцов // Коломенское. Материалы и исследования. – М., 2007. – Вып. 9. – С. 64–78 (0,7 а. л.).

19. К вопросу о реконструкции печей Коломенского дворца // Коломенское. Материалы и исследования. – М., 2007. – Вып. 10. – С. 118–134 (1 а. л.).

20. Изразцовый декор Москвы XVII века: проблемы иконографического анализа // Искусство христианского мира. – М., 2007. – Вып. 10. – С. 490–504 (1 а. л.).

21. Буткеевы // Московская энциклопедия / [редкол.: С. О. Шмидт (гл. ред.) и др.]. – М.: Москвоведение, 2007. – Т. 1: Лица Москвы, кн. 1: А–З. – С. 246 (0,25 а. л.).

22. Новые данные о ранних видах московского керамического декора // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. К 60-летию Л. А. Беляева. – М.: Институт археологии РАН, 2008. – С. 374–393 (0,5 а. л.).

23. К истории реставрации изразцового декора Москвы XVII века // Кадашевские чтения. – М., 2008. – Вып. 3. – С. 162–167 (0,5 а. л.).

24. Кирпич как орудие национальной самоидентификации // Антиквариат. – 2008. – № 35 (57). – С. 100–107 (0,5 а. л.).

25. Русские печи и каминны в изобразительном искусстве // Коломенское. Материалы и исследования. – М., 2008. – Вып. 11. – С. 129–138 (0,4 а. л.).

26. Проект «Музея изразца» в Измайлове // Коломенское. Материалы и исследования. – М., 2009. – Вып. 12. – С. 267–276 (0,3 а. л.).

27. Роль исполнителя и заказчика в производстве московских фасадных изразцов XVII в. // Коломенское. Материалы и исследования. – М., 2009. – Вып. 12. – С. 210–233 (0,7 а. л.).

28. Типология заказа в древнерусском производстве фасадных изразцов в Москве // Искусство христианского мира. – М., 2009. – Вып. 11. – С. 504–519 (1 а. л.).

29. Древнерусский изразец и московская архитектура рубежа XIX–XX вв. // Федор Шехтель и эпоха модерна. Международная научная конференция к 150-летию со дня рождения Ф.О. Шехтеля. – М., 2009. – С. 173–174 (0,2 а. л.).

30. К вопросу об уточнении датировок фасадной керамики Москвы XVII века // Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции. – М., 2009. – С. 125–136 (0,3 а. л.).

31. Делаем музей изразца // Музей. – 2009. – № 36. – С. 36–40 (0,4 а. л.).

32. Реставрационная деятельность Ф.Ф. Рихтера и возрождение символики эпохи Московского царства (на примере реставрации палат Романовых в Москве) // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Материалы XXII Международной научной конференции. – М., 2010. – С. 145–148 (0,2 а. л.).

33. Московские изразцы: формы миграции // XIV научные чтения памяти И. П. Болотцевой. – Ярославль, 2010. – С. 119–128 (0,8 а. л.).

34. Каталог выставки «Святая Русь». Франция, Париж, Лувр. = Sainte Russie. L'art russe, des origines à Pierre le Grand. – S. 645–647 (0,3 а. л.).

35. Изразцовый декор памятников архитектуры Москвы XVII в. Типология заказа // Третьи всероссийские краеведческие чтения. – М., 2010. – С. 168–172 (0,5 а. л.).

36. Музей московского изразца в Измайлове // Третьи всероссийские краеведческие чтения. – М., 2010. – С. 83–87 (0,2 а. л.).

37. Изразцовый декор здания Главной аптеки // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. – М., 2010. – С. 304–320. – (Труды / Государственный исторический музей; вып. 182) (1 а. л.).

38. Золотой век московского изразца // Московский журнал. – 2010. – № 7 (235). – С. 11–28 (0,7 а. л.).

39. Московский изразец: жажда цвета // Московское наследие. – 2010. – № 4 (15). – С. 7–8 (0,3 а. л.).

40. Орлы и львы Крутицкого терема // Московское наследие. – 2010. – № 4 (15). – С. 9–10 (0,2 а. л.).

41. Расцвет русского изразечного дела // Русское искусство XVII века. – М., 2010. – С. 24–29 (0,2 а. л.).

42. Памятник эпиграфики. Об атрибуции и реставрации керамической надписи на колокольне храма Святых Адриана и Наталии в Москве // Живой город: pro et contra: о московской реставрации. – М.: Арт-Реставрация, 2010. – С. 110–115 (0,4 а. л.).

43. Изразцы из Коломенского дворца: география трансформации художественных импульсов // Историческая география: пространство человека VS человек в пространстве. Материалы Международной XXIII научной конференции. – М., 2011. – С. 158–161 (0,1 а. л.).

44. Изразцы из Коломенского дворца: трансформации художественных импульсов // Коломенское. Материалы и исследования. – М., 2011. – Вып. 13. – С. 197–216 (1 а. л.).

45. Печи Коломенского дворца. Достоверность реконструкции // Музей. – 2011. – № 4. – С. 52–58 (0,4 а. л.).

46. Изразцовый декор шатровых колоколен Москвы XVII века // Кадашевские чтения. – М., 2011. – Вып. 8. – С. 97–102 (0,4 а. л.).

47. Декорированная надгробница некрополя Неждановских в церкви Иоанна Златоуста в Ярославле // XVI научные чтения памяти И.П. Болотцевой. – Ярославль, 2011. – С. 56–70 (0,5 а. л.).

48. Каталог выставки «Святая Русь». – М, 2011. – С. 224–225, 494–495 (0,4 а. л.).

49. Изразцовый декор шатровых колоколен Москвы XVII века // Кадашевские чтения. – М., 2011. – Вып. 8. – С. 97–102 (0,5 а. л.).

50. К вопросу об авторстве изразцового декора Главной аптеки в Москве // XIII Научная конференция «Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства». – М., 2011. – С. 160–165 (0,3 а. л.).

51. К вопросу об изучении ярославского изразца // XVI научные чтения памяти И. П. Болотцевой. – Ярославль, 2012. – С. 5–28 (0,6 а. л.).

52. Каталог выставки «Рождение образа. Форма и цвет». – М, 2012. – С. 78 (0,2 а. л.).

53. Реставрационная деятельность А. В. Филиппова // Академик Императорской Академии Художеств Николай Васильевич Глоба и Строгановское училище. – М., 2012. – С. 367–381 (1 а. л.).

54. Русский изразец как исторический источник // Археография музейного предмета. Материалы Международной научной конференции. – М, 2012. – С. 28–31 (0,2 а. л.).

55. Изучение позднесредневековых московских изразцов. Формирование методики // Искусство христианского мира. – М., 2013. – Вып. 13. – С. 307–325 (1 а. л.).

56. Роль П. Д. Барановского в создании коллекции архитектурных изразцов Московского государственного объединенного музея-заповедника // Шестые Всероссийские краеведческие чтения. – М., 2013. – С. 250–259 (0,7 а. л.).

57. Керамическая надпись ротонды Ново-Иерусалимского монастыря // Реставрация и исследование памятников культуры. – М., 2013. – Вып. 6. – С. 29–37 (0,6 а. л.).

58. Гральядыка н эпиграфика в изучении изразцового декора памятников архитектуры Москвы XVII в. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXV Международной конференции. – М., 2013. – Ч. 2. – С. 201–202 (0,15 а. л.).

59. Строительная керамика и строительные материалы Москвы // Москва. Наука и культура в зеркале веков. Все тайны столицы. – М.: АСТ, ОГИЗ, 2013. – С. 319–408 (4 а. л.).

60. «Поднос образцовых кафель». Изразцы и изразцовых дел мастера-ценинники // Белорусы Москвы. XVII век. – Минск, 2013. – С. 266–291 (1 а. л.).

61. Дворец в Коломенском // Белорусы Москвы. XVII век. – Минск, 2013. – С. 292–307 (1 а. л.).

62. Опыт реконструкции древнерусских печей в Московском государственном объединенном музее-заповеднике // К двадцатилетию высшей школы реставрации РГГУ: академическое искусствоведение, археология, научная реставрация сегодня. Материалы научной конференции. – 2013. – (Артикульт; № 12 (4-2013)). – С. 81–82 (0,1 а. л.).

63. Русский изразец XVII века как исторический источник // От смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. Тезисы докладов научной конференции. – М., 2013. – С. 4–5 (0,1 а. л.).

64. Московский изразец XVII века как исторический источник. Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI вв.: призвание, творчество, научное служение историка. Материалы конференции. – М., 2014. – С. 120–123 (0,2 а. л.).

Подписано в печать: 17.11.2014

Заказ № 10388 Объем: 2,5 усл.п.л.

Печать трафаретная.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autoreferat.ru